

18+

АЛЕКСАНДР ВЕР

Я СПАЮ И ВИЖУ СТРАШНЫЙ СОН:

ЗДЕСЬ СКОВАННЫЕ ЛЬДОМ
ДОМА, ФИГУРКИ РАВНОДУШНЫХ,
ВСЕ КРУГОМ!

НАПРАВО ДВИЖИТ ЯДКИЙ СМРАД
НАЛЕВО НЕЧЕМ УЖ ДЫШАТЬ,

Я НЕ ДИШУ,
НО Я ГРУЩУ,

ДО НЕНАВИСТИ, ДО ИЗНЕМОЖЕНИЯ,
ЖЕЛЮ СТОЛКНУТЬ В ПРОПАСТЬ ЭТОТ МИР?

ЧТОБ ИСПЫТАЛ ОН...

ЧУДОВИЩНОЕ ПАДЕНИЕ!

ПАДЕНИЕ:

Битва за Агору

Александр Вер

Падение: Битва за Агору

«Издательские решения»

Вер А.

Падение: Битва за Агору / А. Вер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554941-9

Роман «Падение: Битва за Агору» — второй и заключительный том в серии романов «Падение». В нём продолжена история Наты после сожжения кригерами, и приоткрыта завеса над планами, которые воплощают Альб и Тильда.

ISBN 978-5-00-554941-9

© Вер А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1: «Искромсанные злом»	6
Глава 1: Чудовища	6
Глава 2: Ночной визитёр	15
Глава 3: Монстр	20
Глава 4: На дне	24
Глава 5: Умная Пи	28
Глава 6: Откровение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Падение: Битва за Агору

Александр Вер

Редактор Анна Безденежных

Редактор Андрей Фадин

© Александр Вер, 2021

ISBN 978-5-0055-4941-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора:

Роман «Падение: Битва за Агору» – второй и заключительный том в серии романов «Падение». В нём продолжена история Наты после сожжения кригерами, и приоткрыта завеса над планами, которые воплощают Альб и Тильда.

Часть 1: «Искромсанные Злом»

*В кулак возьму я волю, страх.
Металла сутью стану!
Раскинув Фениксом я прах,
Зубами вырву рану.*

*Из пытки в пытку,
Из казни в казнь,
Искромсанная злобой,
Я воспаряю в вышину
И висну над дорогой.*

*Гляжу на тени, что бредут
Внизу с изнемождением.
Не люди – куклы, их
Рисует мне истерзанное изображение.*

Я сплю и вижу страшный сон:

*Здесь скованные льдом —
Дома, фигурки равнодушных,
Всё кругом!
Направо дышит ядкий смрад
Налево нечем уж дышать.
Я не дышу,
Но я грущу.
До ненависти, до изнеможенья.
Желаю столкнуть в пропасть этот мир?
Чтоб испытал он...
Чудовищное падение!*

– «Ненависть!» Ната Фери сборник «Эпоха Падения Союза».

Глава 1: Чудовища

*Погрызший в неге надуманного счастья, разум социума может
произвести на свет только чудовищ! И это заметили задолго до нас
с вами...*

– Грапп Фери «Корни истины»

Дом Буна напоминал многоквартирный колосс – огромный куб закрывающий горизонт. Он вырос за поворотом и приближался. Буна к подъезду часто подвозил служебный автомобиль. Позади шофёра Бун устало разглядывал спешащих пешеходов, посетителей кафе, занятых созерцанием своих докеров, уличных блудниц, финансистов, администраторов и прочих. Их образы смазывались в одно замыленное беспокойное пятно. Даже ночью Тетра кипела жизнью, ни на миг не засыпая. Она, вечной мясорубкой, заглатывала в себя и перемалывала, забирая у жителей энергию. Затем выплёвывала кого куда.

Жители, увлекаясь игрой в собственные судьбы, охотно отдавали энергию, чтобы узнать победят или проиграют на этот раз. Проигравший, валялся в грязных переулках, бездомным или нищим. Тот, кто выигрывал, жили на самом верху. Бун жил на двадцать седьмом этаже своей пятидесятиэтажки. За своё относительное благополучие он мог благодарить только Альба. Не будь в начальниках этого мудрого человека, Бун, скорее всего, превратился бы в фарш, изрыгаемый мясорубкой Тетры, и спился, как те, кто спал под мостом и дрался бы со всеми за еду.

В выжигающем жизни мегаполисе судьбы имели неширокий выбор: нищие искали еду; рабочие соревновались за выживание в маленьких квартирках; состоятельные за то, чтобы урвать состояние; а финансовые воротилы за то, чтобы отхапать себе абсолютно всё. Формы соревнования определяли принципы Тетры – предприимчивость и конкуренция. Постоянное напряжение, невыносимый стресс основывали и двигали жизнь не только на Топале, но и на каждой планете Союза.

А вот Бун совсем не был предприимчивым. Он знал, что такие простаки, как он, расплачиваются за простоту своего ума и заканчивают жизнь неладно в этом жестоком мире. Ему просто несказанно повезло после потери руки и выхода на пенсию с протезом. С киберпротезом (хоть и отлично сделанным) он никому не был нужен, но неожиданно для себя прошёл психологический тест в приёмной Альба, и думал, что случайно получил достойную работу у одного из самых значимых чиновников министерства.

Бун вошёл в жилище, которое считал своим. За квартиру перед банком он до сих пор не расплатился. Одна-единственная комната-студия встретила его унылым молчанием, но хотя бы приглушила тот вечный гул города, который стоял за окнами. Звуки Тетры – внешнего мира, никогда не выветривались. Сколько Бун себя помнил, он слышал постоянный, то нарастающий, то спадающий зудящий шум. Даже в квартире он не утихал, но хотя бы утрачивал свою гнетущую силу. Бун сопротивлялся зуду, пожирающему изнутри. Он знал – это Тетра старается высосать из него соки. От жара Бун терял силы и старел с каждой секундой. Путался в мыслях, но всё же сопротивлялся. Старался как можно дольше сохранять рассудок под давлением мегаполиса.

Чтобы не замечать слабость, Бун как всегда включил телевизор и достал из рюкзака замороженный ужин. Бросил его в микроволновку, запустил нагрев и попросил голосовую систему, переключить говорливого вруна из «Новостей», на канал с «Плантацией». Это было круглосуточное шоу, где актёры жили в живописных домиках за городом и ухаживали за красивыми грядками. Зелени в Тетре не хватало, поэтому «Плантацию» смотрел каждый, кто желал поглазеть на причудливые кусты с огурцами и прочими овощами. В Тетре их запросто можно было купить, но не увидеть, как растут. Зелень завораживала Буна. Он не мог объяснить тягу, видеть саженцы и как они распускаются на клумбах. Ему просто нравился зелёный вид и всё!

Грядки и теплицы и на этот раз не подвели. Наливная кукуруза поплыла по экрану, кабачки и маалы замысловатых форм тёплыми тонами вызвали мурашки. Накатила грусть, оттого что росла вся эта красота далеко и недостижимо. Вот только актёры в «Плантации» порой настолько переигрывали и паскудно шутили, что Бун при их ужимках вспоминал свой единственный поход в театр. Уж слишком они напоминали Юлию и придурка Ромео. Иногда, казалось, будто сценарии и реплики создавал один и тот же извращённый мозг. Наконец, очередной глупый хохот прервал рекламный ролик другого шоу – «Купол» – занятная штука, и Бун безболезненно переключил на неё.

Он не смотрел «Купол» лет шесть и вспомнил о существовании только сейчас. Это было необычное зрелище, которое шло уже лет десять, но однажды взбесило Буна, и он забросил.

В «Куполе» сутки напролёт показывали жизнь людей, запертых в подводном куполе на дне Малого океана. Туда приходили одиночки, которые вскоре находили себе пару. В первые месяцы актёры говорили о красотах подводного мира, который их окружал за стеклом.

Они строили себе необычные овальные жилища, ухаживали за стеллажами, где растили овощи для пропитания, дружили и любили. Под куполом заключались браки и порой совершались оргии. Но интимную жизнь и извращения показывали по отдельному, каналу. Бун никогда оплачивал его.

Под толщей воды и без того он видел достаточно, длинные лапы водорослей, кораллы, огромные рыбы и стайки мелюзги. Вот только Буну не понравились перемены в героях, наступившие через пару лет. Если раньше они казались счастливыми, то чем дальше, тем больше погрязали в склоках. Дело доходило до драк, причём по самым нелепейшим поводам и дрались даже женщины. Женские драки были самыми неистовыми.

Когда минули три года проекта, героев совсем перестали увлекать виды океана, а больше стали интересовать борьба за пропитание и овальные домики. Чтобы разобраться с обидчиками, «куполяне» – так они себя называли, сбились в кучки, где ими верховодил – лидер – как правило, мужчина, а остальные принимались ему прислуживать, причём с довольно мерзким раболепием. Бывали группы и с лидером-женщиной, в основном эти группы были сплошь женские и имели в составе одного-двух мужчин. Но и там отвратного жеманничества хватало с избытком.

Вскоре группы из просто разношёрстных компаний превратились в сложные агрессивные группировки. Они устраивали массовые побоища, несмотря на то что, как казалось Буну, места всем хватает. Лидеры стали сколачивать специальные отряды для противостояния, вооружив трубами и кастетами, и заставив тренироваться ломать челюсти и кости. Компании и группы превратились, по сути, в анклав, со своими взглядами и идеологией. Некоторые, несмотря на разногласия, изредка объединялись для подавления более слабых или чтобы побороть доминирующую группу.

В конце концов, Бун сам запутался, кто из них кто, потому что каждый месяц расстановка сил менялась, что не позволяло уловить симпатии. На пятый год жизни под куполом произошло первое убийство. В тот же вечер Бун бросил смотреть. Смертей ему хватало и на работе. В довершение, он так и не понял, чего этим «куполянам» всё же не хватает?

Бун присмотрелся к репортажу. Из слов ведущего он понял: за шесть лет, которые он пропустил, кровь полилась всюю. Проект находился под водой и убийцы не могли привлечь к ответственности; место в океане, где стоял купол, не входило в юрисдикцию Славного Правительства и Минпорядка. А местные не решались осудить, испытывая к убийцам животный страх. Администрация проекта, в свою очередь, молчала.

Логично, что убийцы не торопились выйти, чтобы не попасть в лапы минпорядка, поэтому подводный купол превратился в их тюрьму. Такие в основном и становились лидерами. Они жили роскошно и верховодили.

Бун понял, что к лучшему ничего не переменялось, и хотел уже переключить обратно на новости, но вдруг на экране ведущего сменил иной кадр. На нём посреди теплицы лежала женщина в изодранном платье. Она корчилась от мук, закрывала лицо и держалась за живот. Камера наехала на перекошенное плачем лицо, в этот момент женщину свела колика, и изо рта полилась рвота. Спутанные волосы испачкались, женщина затряслась от рыданий сильнее. В угол кадра вернулся ведущий и с улыбкой сказал, что «куполянку» изнасиловали. Но для тех кто пропустил весь процесс, ведущий предложил посмотреть полную запись изнасилования на втором платном канале. Крупный код оплаты заплескал на экране как бешеный.

Бун отшатнулся и тут же скомандовал системе выключить телевизор. Экран потух. Бун, стиснув кулаки, поклялся больше никогда не смотреть «Купол». Он направился в душ и только под тёплой струёй ощутил спокойствие. Вспомнил, как однажды спросил Альба, не смотрит ли он передачи? Помнится, Альб покосился на Буна, как на больного и сказал, что такие передачи смотреть их не стоит. «А почему ты спросил?» – поинтересовался начальник. Бун был раздражён; в тот день в «Куполе» показали, самоубийцу, подвешенную на проводе. А в дру-

гом шоу гонялись за наркоманом, который обещал вылечиться, но после наступления ломки сбежал. Бун, выругавшись, в сердцах признался начальнику, что такие шоу нужно запретить правительственными указами. Альб хитро усмехнулся, как он это умел всегда делать, с прищуром – умно и загадочно. «Наша система пропаганды перестала работать, Бун. Как хорошо, что ты это заметил. Она испоганилась и скатилась в грязь. И больше напоминает сумасшедшего, купающегося в собственных помоях. Тебе так не показалось?» Бун согласился и спросил. – «Но что с этим делать?» К его удивлению, Альб развёл руками. – «А ничего!» «Разве нельзя издать закон, запрещающий такие каналы?» – настоял Бун. Альб поморщился и ответил – «... ну, запретишь ты этот канал. Ему на смену придут десять новых». Затем добавил:

«Это системная проблема Бун, но мне нравится, что ты спросил об этом. Нормальному человеку нельзя смотреть эту гадость», – и похлопал по плечу. На этом их прервала секретарь и Бун вышел. Что Альб имел в виду под системной проблемой, Бун так и не понял, но с тех пор избегал смотреть как «Купол», так и другие передачи с самоубийцами, наркоманами и прочей мерзостью.

Он поел и подошёл к окну, старательно обойдя экран на стене, будто он мог укусить. При взгляде не далёкие огни города с его двадцать седьмого этажа, вспомнилась Ната. Как на последнем задании они сидели перед вырезом оконного проёма в похожей квартирке, а он целился в очкарика. И пускай квартира Буна была гораздо уютней и больше чем та, но атмосфера почему-то казалась такой же. Неизменная серость нависшего смога вместо неба и незаходящие огни, заменявшие жителям звёзды. Всё такая же шумная беспокойная прогнившая насквозь Тетра – город миллиардов судеб и миллиардов бесчувственных пар глаз. Гнездо хозяев и их слуг, сборище мультибогачей наверху и обездоленных в самом низу ступеней грязной городской лестницы.

В ту ночь работу за них сделала пантера. Бун помнил, как до той памятной схватки Ната, тихоня-синтет казалась ему, выполненной на совесть копией человека. Покорная по команде и холодная в бою. Она нравилась ему, хоть и двигалась настолько нелепо, скрывая синтетное происхождение, что вызывала только дружескую усмешку. Хотя многие не замечали скованности движений киборгов, Бун их видел. Он жалел Нату, ведь она – синтет, единственная женщина в их отделе и суровом коллективе. К тому же она оказалась надёжным боевым товарищем. А после развода Ната стала нравиться больше. Оказалось, она проста в общении и очень человечная. Бун иногда жалел, что не может с ней выпить пива и поматериться в баре. Думал однажды даже предложить составить компанию, но она торопилась к Бретте, которую защищала по просьбе Альба.

Задание Ната провалила и будто сошла с рельсов. Стала чудить, даже поругалась с Альбом и бросила отдел. Они встречались после увольнения. Бун рассматривал их отношения всерьёз, ведь люди и синтеты часто создавали семьи. К тому же Ната очень изменилась, стала просто неотличимой, двигалась, мыслила настолько человечно, что Бун перестал замечать разницу.

В то время она переехала к какому-то старику и всё не находила времени на встречи. В одну из ночей, которые они проводили вместе, Ната по секрету рассказала о причинах своего чудачества. Она стала свободным синтетом после падения в пещеру, сказала, что случайно что-то замкнуло, и блокиратор сгорел. Просила никому не рассказывать. Бун хранил её секрет до сих пор.

С тех пор отношения с синтетом Буну перестали казаться нечто неестественным. Нату он воспринимал только как человека и никак иначе. Она стала лучом света в его беспросветном сером мире. Ласковой до неожиданности, внимательной и преданной. Бун в жизни бы не променял Нату ни на какую другую испорченную тетровку.

Они не поругались (с Натой невозможно было поругаться, с её-то покладистым характером) – просто перестали звонить друг другу. Бун злился, на то что ей старикашка важнее.

Она не признавалась почему, а только уверяла, что он как отец, а отца бросить нельзя. Бун лечился после ранения и готовился к операции на челюсти, которую задело осколком. В порыве безысходности он накрутил себе эмоций и психанул. Ведь Ната не желала говорить о своём конфликте с Альбом и Бун чувствовал себя меж двух огней. Тем более что, Альб что-то знал о них и расспрашивал, правда, издали. Намекал, говоря, что неплохо бы прошлой сотруднице вернуться. Но Бун как мог всё отрицал и Альб вскоре перестал спрашивать.

Так или иначе, двойная жизнь Буна затяготила и он перестал набирать её номер, а она его. Он утолял жажду с другими женщинами, но скучал. Старался выбирать замужних, которые хотели отдохнуть от мужей и не ждали от него привязанности. И всё же Ната то и дело всплывала перед глазами. Но, позвонить он так и не решился.

Бун оторвался от видов окна, подошёл к краю кровати, сел и услышал голоса. За стеной шумели соседи. Нетрезвый голос Синты звенел, будто принадлежал ненормальной. Как всегда, пьяный Юджин мычал, затем кричал в ответ. Наконец грохнула мебель и Синта коротко вскрикнула. «Либо в лицо, либо в живот» – подумал Бун. Каждый сосед этой семейки привык видеть Синту в синяках, после очередной разборки. В полицию регулярно сыпались жалобы жильцов со всего дома. Буна спасали частые командировки. Но сегодня был тот самый неблагоприятный вечер, когда Буну, вместе с остальными, предстояло выслушать подробности бичующих друг друга мужа и жены. Он поморщился и почесал затылок. Возникла мысль смотаться отсюда и спуститься переночевать в его собственном бункере. В подвале многоэтажки Бун тайне купил помещение, оборудовал и сделал себе укрытие, на всякий случай. Работа у него была беспокойная. Случай мог представиться в любой момент и вовремя залечь на дно такому убийце, как он, значило спасти себе жизнь.

Бун встал, натянул штаны и набросил на плечи ветровку. В подвальном бункере его ждали тишина и тепло (Бун оборудовал бункер, поддерживающей климат, вытяжкой) и ожидал, как он наконец сможет уснуть в гробовой подземной тишине. Тем временем шум у Синты стих и хлопнула входная дверь. Тут же постучали к нему. Бун застегнул ветровку и открыл. За дверью раскачивалась во все стороны пьяная Синта с поехавшим лицом. На шее виднелась ссадина, меж пальцев соседка держала маленький ремит – популярная игрушка, дым от которой вдыхали и балдели.

– А-а-а... – пьяно протянула она. – Бун милый! Как хорошо, что ты здесь. А я чего-то заскучала, думаю, дай зайду, узнаю, как ты, – она игриво изогнулась и протянула ремит из которого шла тонкая струйка. – Будешь?

– Убери эту гадость! Твой Юджин, вообще-то, тут, – спокойно заметил Бун.

Он немного брезговал, но всё же утешал соседку, когда Юджина не бывало дома. Вечно живущая навеселе соседка, ни к чему не обязывая, ложилась под Буна и под любого другого, поэтому мимолётными связями с Синтой, мог похвастать каждый в округе. Последний раз Бун пользовался доступностью Синты с месяц назад. Но сегодня она выглядела, именно такой, какой он больше всего ненавидел – пьяной и расхлябанной. Даже если, Юджина не было бы дома, Бун вряд ли к ней притронулся. Синта пожалала плечами и отмахнулась в сторону своего жилища:

– Да ну его!

В этот миг коридор разрезал пронзительный девичий крик. Синта подпрыгнула:

– Талайла!

И понеслась к своей двери. Юджин, похоже, взялся за дочь. Бун не припомнил, чтобы сосед бил её. Талайле было лет шестнадцать, и она совсем не походила на своих непутёвых родителей. Светловолосая красавица слыла скромницей и отличницей. Под нарастающий вой девочки Буна подхлестнула ярость, и он сорвался вслед за соседкой. Синта уже открыла дверь и закричала в проём:

– Юджин не надо! – обернулась с мольбой. – Бун, пожалуйста!

Бун оттолкнул её и влетел в прихожую. На кухне Юджин загнал дочь под стол и пинками пытался выбить оттуда. Перепуганная Талайла сложилась под столешницей, отмахивалась и, получая удары ногами, кричала во всю глотку:

– Ну, папа!

Бун без слов сделал три шага и взмахом ноги поддал в живот соседу. Юджин подлетел и тюфяком шмякнулся в другой конец кухни. Падение смягчила штора, по которой Юджин стал оседать на пол, срывая ткань с застёжек. С икотой у него пошла рвота, брызгая вонью, он замычал:

– Гнида! Вали отсюда.

Юджин в позе перевёрнутого на спину жука, взмахами, пытался прогнать то ли Буна, то ли видения из своей пьяной головы. Тут же рвота потекла на голую грудь и штаны.

Бун с отвращением поморщился и понял, что Юджин неспособен сегодня даже встать своими силами, не то чтобы дать отпор. Синта за спиной выволакивала плачущую дочь. Талайла, рыдала с пунцовым лицом, хромала, придерживая ногу, и обиженно смотрела на униженного отца:

– Мам, ну я же ничего не сделала!

Синта прижала её. Пьяный угар сошёл и сменился страхом за дочку. Талайла тряслась и просила:

– Мам, давай уйдём?

Бун предложил:

– Давай её ко мне...

Синта кивнула:

– Бун, пожалуйста, пригляди за Талайлой. Я сбегая к дяде.

Бун знал, что родственник жил ниже на семнадцать уровней их огромного муравейника. Он согласился и перехватил локоть Талайлы. Девушка хромала и охала. Синта выбежала и понеслась по коридору к лифту. Бун повёл ковыляющую Талайлу к себе.

Вечерок выдался весёлым, посчитал Бун. Ему удалось размяться и навести порядок у соседей. Он рад был помочь Талайле. Сколько он знал, Талайла отличалась спокойным нравом и слыла хорошими оценками в школе. Девочка единственная из жильцов, кто могла вселить веру в чистоту и порядочность.

Пока они шли, Бун заметил, что все двери как одна молчали и лишь наблюдали глазками своих видеофонов. Соседи попрыгали и наверняка не сунули бы носа, даже если бы Юджин убивал дочь, а та орала как сумасшедшая. Они могли только пожаловаться в полицию на шум который тревожил их собственный мирок, предпочитая не вмешиваться.

Талайла доковыляла до кровати и села. Бун стал на колени и осмотрел ногу. По бедру расплывался огромный синяк с две ладони. Пятно набухло сиреневым прямо на глазах.

– Тебе нужно обезболивающее, – сказал он. – У меня есть уколы.

Талайла утирала лицо от слёз и через всхлипы вздыхала:

– Спасибо, дядя Бун.

Бун достал из холодильника одну из ампул с иглой, лекарства, которое часто ему пригождалось и спасало после ушибов и царапин от пуль. Теперь оно пригодилось избитой пьяным отцом девушке. Бун обколол вокруг синяк, и попросил подождать десять минут. Талайла сквозь грустную улыбку поблагодарила:

– Дядя Бун, я ненадолго. Сейчас мама приведёт дядю, и мы перенесём отца к нему.

– Могла и позвонить ему, – буркнул Бун. Он сердился, когда что-то неожиданно врвалось в его жизнь.

– Он глухой. После того как упал на работе. Калека, – извинилась девушка.

– Весело у вас в семье. Алкаши, калеки... – не церемонясь, пробормотал Бун. Он всегда говорил прямо, то что думал и, пожалуй, за эту прямолинейность расплачивался одиноче-

ством. Во всём мире был только один человек, который терпел характер Буна. Но Наты рядом не было и некому было успокоить и потрепать щёку после ворчания:

– А это правда, что у вас нет руки?

Бун покосился и почесал титановый протез, который, как он думал, умело скрывал:

– С чего ты взяла.

Талайла прикрыла рот рукой:

– Вы плечо часто чешете, – девочка наивно пожала плечами. – Это ничего. Вы даже с такой рукой – единственный нормальный здесь!

– Я? Нормальный? – Бун не любил, когда его обсуждают.

Гостья развела руками:

– Вы не били свою жену, говорят... А это редкость... Наверное, вы единственный в доме, кто так не делал.

Бун сердито покосился:

– Если даже и так это не значит, что я нормальный.

Талайла шутливо отмахнулась:

– Да ну! Вы – не как все. Все вас в доме боятся.

– Боятся? И что с того?

– А то что к нам не лезут бандиты из-за вас. Наоборот, каждый жилец спрашивает, когда приходит – дома ли Бун?

Бун дёрнулся:

– Чего!? Зачем!

Талайла пожала плечами:

– Если вы дома, это значит, что сегодня грабители будут обходить наш дом стороной. Шайки с соседних домов, да и местные. Никто не суётся когда вы тут.

– Ты что такое говоришь Талайла? В доме живёт десять тысяч человек!

– Вот они все вас и боятся! – она прыснула в ладошку. – Вы же всегда с оружием. Говорят какой-то спецназ из Министерства.

Талайла замерла и мечтательно захлопала глазами.

Бун после её слов, вспомнил, как десять лет назад завалился домой с задания обвешанный гранатами. Оружие торчало из рюкзака во все стороны, а за спиной болталась его снайперская винтовка. Тогда работёнка вышла на славу, они с Германом и Натой отличились. Бун чувствовал себя героем, которому можно всё. Свалил гору оружия в квартире, потом напился и с кем-то повздорил. Это была малолетняя шпана, которую он без труда раскидал. Они громко слушали музыку прямо в подъезде и вдыхали какую-то гадость. В общем, Бун тогда навёл шороху на весь дом. После происшествия ему никто ничего не сказал, но Буну было стыдно вспоминать, как пьяный бил зарвавшихся малолеток.

Он почесал за ухом:

– Любопытно...

Талайла расплылась в улыбке:

– Да? Вы не знали?

Бун хлопнул себя по лицу, стараясь скрыть стыдливую физиономию. Талайла добавила:

– Вы – наш лучший сосед!

– Кто говорит? – с недоверием буркнул Бун.

– Никто. Вы очень добрый! Я это чувствую, – Талайла повеселела и подпрыгнула, потом задумалась и пробормотала. – Почему не вы мой отец?

Бун пожал плечами. Ему не хотелось расстраивать эту затравленную девушку, живущую с тяжёлым ощущением, что она не такая, как все, окружённую недалёкими сверстниками, ещё и тем что её отец – пьянь и мерзавец. А он – Бун даже не мог дозвониться до старшей дочери,

она не брала трубку. Младшая иногда звонила сама, но быстро спрашивала – как дела, и, ссылаясь на разные занятия, заканчивала разговор.

– Плохой из меня отец, Талайла, – тихо сказал он.

– Да ладно! – она отмахнулась. – У вас же дочка?

– Неважно, – погрузился он.

– Мама говорила, что она вас любит!

– Ага... Как же... – хмыкнул он.

– Глупости! Как вас можно не любить? Я бы любила... – Талайла выпятила нижнюю губу.

– Талайла, заканчивай! – рявкнул Бун.

Но девочка не испугалась его наигранного рыка, а наоборот, прыснула со смеху:

– Я не хотела. Просто, зачем вы говорите так? Вы же хороший!

Спорить с Талайлой было бесполезно. Она вдолбила себе, что сосед у неё – заправский сверхчеловек. Бун отошёл, сел в кресло, утонул в удобной обивке и расслабил плечи:

– Ляжь, отдохни, пока мать не придёт, – он указал на синяк. – Тебе не стоит давать ноге нагрузку. Минимум час полежи.

– Да. Действует, – согласилась Талайла и легла, свесив ноги болтаться почти до самого коврика.

Она отвернулась в сторону окна и тут же подскочила и крикнула:

– МОНСТР!

Кресло ушло из под Буна. Он вскочил с готовностью прыгнуть на врага. Талайла показывала на окно. За стеклом раскачивалось на фоне ночного неба многорукое чудовище нечеловеческих очертаний, в стороны торчали щупальца, а страшные тёмные глаза смотрели прямо на него. Бун выдавший за свою жизнь многое, омертвел от страха. Холод сковал его. Силуэт висел снаружи на фоне далеких огней и казалось запросто раскачивался, цепляясь за стену, на уровне двадцать седьмого этажа. Бун моргнул и силуэт исчез. За окном зашуршало, будто фасад зацарапали огромные ножи. Талайла бросилась вниз, прочь от окна, упала на пол и закричала:

– Дядя Бун! Монстр! Это – оно! Спасите! Заберите меня!

Девушка сжалась клубком и боялась посмотреть. Ставший колом Бун ощутил мурашки и мысленно поискал пистолет. В тумбе! Бун чуть не сломал ящик, открывая, вырвал из коробки оружие и направил на окно. Но с пропажей монстра исчезли и шорохи. Осталось только повисшее в комнате ощущение, от присутствия неведомого и необъяснимого. Талайла в это время тряслась на полу, обхватив уши, и хныкала:

– Оно там? Мне бежать?

– Нет никого... Успокойся.

Бун, ощущая дрожь, изо всех сил пытался внушить самому себе, что чудовище привиделось:

– Показалось Талайла. Вставай.

Она не отнимала ладони от ушей и мотала головой.

– Не показалось! Ужас! Дядя Бун вы видели его?

– Это просто отражение. Небо и тучи... Огни машин. – Бун придумывал на ходу, стараясь скорее успокоить самого себя. Талайла, набравшись храбрости, подняла голову и возразила:

– Вы что не слышали о нём?

– О ком? – удивился Бун.

– О Монстре! Он же убил двадцать человек и об этом говорили по новостям. Он живёт, где-то там внизу... – Талайла ткнула пальцем в пол.

– Как убил?

– Разорвал на куски! Вы что не слышали?

От испуга голос охрип.

– Нет, – ещё больше удивился Бун.

– Я не верила в это. Думала, чудовищ не бывает. Что их просто выдумывают в фильмах.

Она подскочила, пробежала на цыпочках, словно хромоты и не было и, озираясь, скрылась за его спиной.

– Дядя Бун, я честное слово в это не верила. Но он получается есть. М-м-монстр!

Подбородок трясся, вызывая запинку. Бун обхватил плечи девушки и прижал к груди. Стало страшно за Талайлу. Никто в Тетре не мог чувствовать себя в безопасности. И Монстр – тому подтверждение. Даже на двадцать седьмом этаже, такие как невинная Талайла, не могли скрыться от ужаса города.

Ужас будто вышел из телевизора и поселился в голове. Такой же страх, если увидеть блюющую женщину под Куполом. И услышать холодный голос диктора, который предлагал насладиться зрелищем за доплату.

Может это чудовище – справедливое наказание, посланное кем-то или чем-то для города? Ведь чистую Талайлу оно не тронуло. Не посмело...

Он погладил трясущуюся Талайлу и посмотрел в пол задумчиво:

– Именно так и есть на самом деле, Талайла. Монстров не бывает. Люди сами выдумывают себе монстров. И даже становятся ими. Мы живём в мире, полном чудовищ. – Бун посмотрел в сторону тёмного экрана телевизора и добавил. – Чудовищном мире...

**

Когда пришла Синта с дядей и забрала дочь, Бун не спустился в бункер. Он остался спать в квартире, думая, что защитит Талайлу, если она закричит. Но монстр, словно в подтверждение его домыслов о чистоте девочки, не вернулся.

Утром Бун, собираясь на работу, услышал спокойный голос Талайлы за стеной. Довольно выдохнул и подумал, что нужно спросить у Альба, что это за монстр такой, разгуливает по городу и безнаказанно убивает его жителей?

Глава 2: Ночной визитёр

Где та правда, которая даст нам понять, кого любить, а кого ненавидеть?

– Графф Ферио «Корни истины»

Тильда, свёрнутая в клубок, глубоко вздохнула после экстаза. Альб засмотрелся на плавный изгиб спины любимой и провёл пальцем по капелькам пота. Он терпел полтора месяца, когда Тильда наконец, видя его муки, сама не предложила безопасную позу – со спины. Нога болела до сих пор, и им приходилось осторожничать с раной.

Альб упивался бархатной кожей, пружинящей под ладонью. Наконец, Тильда расслабила плечи и расплылась по постели. Альб предложил:

– Сделать тебе чай?

Похлопал, чувствуя упругую ягодицу под ладонью. Удивительный миг хотелось продлить навечно. Тильда промурлыкала:

– Может, бокал твоего пойла?

– Мой коктейль?

– Угу... Крепко сплю после него. Только сока мне больше.

Тильда последнее время перед сном вместо ромашкового чая пила «кровавую Мэри». Порой боль не давала уснуть, и ей нужен был бокал, другой чтобы забыться. Она развернулась лицом, обхватила шею и посмотрела в глаза. Видя родимые серые радужки, Альб стал подумывать о втором заходе.

– Где ты использовал шпионов в последнее время? – спросила она.

– Чего?

От неуместности вопроса Альб отпрянул. Тильда прищурилась:

– Я тут подумала. Питер, почему мы не привлекаем минпорядка. У тебя там есть шпионы, но министров мы постоянно оставляли без внимания.

Альб застыл и с укором сказал:

– Я тут, понимаешь, смотрю на самую прекрасную женщину в мире! А она думает о работе.

Тильда хмыкнула:

– Вот потому-то я и хочу этот твой коктейль. Мне нужно перестать думать и расслабиться. Ты думал о Гордее?

Тильда нередко недоумевала, что в Совет Тридцати не приглашён ни один из восьми Министров Порядка Союза. Так сложилось, что время существования Совета ни один Минпорядка не годился. Каждый раз, когда Альб присматривался к очередному кандидату, то нарывался на чью-либо марионетку и выдвигенца влиятельных семей. Либо хуже – министр имел серьёзные интересы в стане противника – финансовом секторе. Был лишь один независимый страж Порядка – старый Гордей. Но Альб не хотел даже думать о нём.

Гордей руководил уже пятьдесят лет и плевать хотел на высшие чины и руководства. А они не решались его сместить, потому что старик был зубаст и восхитительно разбирался в обстановке. Гордей – единственный чиновник в Союзе, к которому Альб за все тридцать лет так и не нашёл подхода.

– Я не понимаю! Почему мы сейчас говорим о нём? – Альб кивнул на налитые соски любимой. Тильда понимающе ответила:

– Знаешь, у него печальная история. Он потерял жену. Он очень её любил... – она с сожалением выпятила губы.

– Я тебя умоляю! Потерял и что? От этого он не стал к нам лояльнее. Ты знаешь, я пытался. Он слишком себе на уме и, по правде – я вычеркнул его. Жду, когда Гордей уйдёт. Он дряхлеет и скоро покинет пост. Я лучше буду работать с его молодой сменой.

– С Роком Бруно?

– Ага. Я с ним встречался. Разумный парень.

Гордей, зная, что управлять порядком Топала ему оставалось недолго, продвигал своего человека – командира отряда Волки – молодого и амбициозного Бруно. И хотя Гордей в молодости был таким же резвым, но к старости утратил пыл и стал самым несговорчивым. Даже диктатор Барок Фьюзо не терпел Гордея. А Гордей, казалось, не терпел вообще никого. Кроме Рока, которого, по мнению многих, готовил в преемники.

– Знаю, – протянула Тильда. – Но Гордей важен.

– Ему недолго осталось... Давай закроем эту тему... – предложил Альб и смахнул локон со лба подруги.

– Знаешь, мне кажется, я знаю, почему Гордей такой несговорчивый, – Тильда опустила уголки губ вниз. Альб заметил печаль:

– Почему? – спросил он.

– Смерть жены! Питер! Это же даёт его психологический портрет.

Альб, припомнив, что Тильда – психолог с дипломом, не желая слышать о Гордее, ладонью закрыл ей рот. Тильда увернулась и укусила за палец:

– Вот скажи! – возмутилась она, когда он убрал руку. – Что делает человек, который теряет самого близкого человека, с которым прожил всю жизнь?

Альб намеренно съязвил:

– Находит другую!

Тильда свела брови и сказала с упрёком:

– Скажи спасибо, что по этой фразе я не стану строить ТВОЙ психологический портрет!

Альб усмехнулся:

– Ну и что же он делает?

Тильда сказала как само собой разумеющееся:

– Он ударяется в работу, Питер!.. Становится чёрствым червём! – затем отмахнулась, будто соглашалась. – Ну ладно... Или находит другую. Но ведь это не про Артура.

Альб рассердился:

– Этот тупой старикан отказывается подчиняться сокращению, ошетинился лучшим боевым подразделением в Союзе – дал волю своим Волкам. Думаешь, так легко к нему найти подход? Если знаешь – дай знать, – он ущипнул её за нос. – И если ты будешь портить эту ночь и дальше такими разговорами. Я спущусь за коктейлем и волю тебе его насильно!

Тильда грустно усмехнулась:

– Иногда, мне кажется, что я устаю от ответственности.

Она посмотрела в сторону потерянным взглядом и на мгновение напомнила наивную и слабую Марту в молодости. Ту, которая много лет назад взвалила на себя мужчину и протаскала на плечах, преодолев с полдесятка километров. Своими тонкими пальчиками вцепилась, не бросив ношу, в попытке спасти. Спасти не вышло, но ведь она не сдалась, ни на мгновение. Марта выросла в бойца, который пережил, казалось всё. Боль и страх. Не струсил. Альб ответил:

– А у нас есть выбор?

Тильда сощурилась, похоже, думая о том же, и сердито рыкнула:

– Питер, пока ты не принесёшь мне бокал, я не перестану думать о работе!

Альб чмокнул в плечо, встал, накинул халат и спустился на первый этаж, туда где в барной стойке стояли бутылки. Он знал на ощупь, в какой нише расположена водка, различил в темноте контуры и поначалу, даже не подумал включить свет. Зная наизусть уровень, он налил

на четверть водки и потянул за ручку холодильника. Дверца распахнулась и мягкий свет, ослепляя, разнёс по прихожей силуэты в комнате.

В отсветах Альб краем глаза увидел блеск и тень. Нечто чуждое находилось рядом, в углу, где стояло кресло. Альб застыл с соком в руке и понял что он в гостиной не один. В это мгновение раздался знакомый приятный голос:

– Альб, пожалуйста... Простите. Не кричите... Выслушайте.

Если бы не знакомый голос – он, наверное, провалился бы от испуга. Альб, не выпуская пакет, медленно выпрямился, ощущая бег мурашек. У шахматной доски сидела тень, словно хотела слиться с темнотой угла, образованной краем окна и тенью дверцы. Голос принадлежал той самой сотруднице, которая ушла из отдела девять лет назад. Ната очутилась здесь, обойдя все системы безопасности его дома. Альб, стараясь унять кровь, холодно спросил:

– Сколько вы здесь?

– Вы спускались, а я как раз вошла. Десять секунд. Простите... Ваши системы безопасности – я знаю их.

Альб чертыхнулся про себя, страх уже улечивался. У барной стойки торчал выключатель всей комнаты. Альб поставил сок и потянулся:

– Не надо! – Ната вскричала и взметнула ладонь. – Прошу, не включайте свет! Я просто спросить вас пришла.

Палец застыл у кнопки, Ната продолжила:

– Простите меня за вторжение... Но я ничего плохого не хотела. Мне просто некуда... Я хотела поговорить. Мне просто нужно поговорить.

Голос её дрожал, будто Ната сама готовилась панически сбежать. В воздухе повисла неопределённость, которую Альб ненавидел больше, чем страх. Испуг прошёл, и он включил свет:

– Ай! – вскрикнула Ната и закрыла лицо.

Заворошилась одежда, Ната попыталась скрыть себя в складках. От Альба не ускользнула чёрная половина лица, и он потрясённо отшатнулся:

– Что это?! Что это с вами?..

– Я же просила... Пожалуйста... – захныкала она, сжимаясь в комок. Ната пыталась натянуть капюшон сильнее и согнула колени. Стал виден её костюм. Вернее, не костюм, а самое дурацкое что Альб видел на человеке. Объёмистая чёрная куртка с нелепыми рисунками, огромные штаны, и потёртые ботинки на высокой подошве. Где можно было затариться такой несурaziцей, Альб даже не представлял. Но понял – у старой знакомой неприятности.

От вида ожогов его захлестнул гнев. Альбу в голову не могло прийти, чтобы кто-то посмел обидеть Натю. В его памяти она была тихоней и как ласковый щенок, incapable вреда причинить. Своим слабым духом она вызывала только жалость. Альб не смел ни уволить её, ни обидеть. Он, конечно, отдавал себе отчёт, о влиянии образа Наташи. Но ведь не вина Наты, что Ормуз думал шпионить с её помощью. Ната даже не подозревала о замысле министра. В лохмотьях, с обугленной кожей она выглядела невероятно обиженной и несчастной. Альб грозно спросил:

– Кто ЭТО сделал?!

Ната выглянула из-под капюшона, сверкнув глазами полными боли, и сказала:

– ЛЮДИ!

Обида скрежетала в суровом голосе. Альб вобрал в лёгкие воздух от возмущения. Вдруг за спиной раздался визг:

– Ты что здесь делаешь!

Альб обернулся и увидел на ступени Тильду. Она накинула лёгкую ночнушку, так небрежно, что грудь наполовину вывалилась. Тильда опиралась рукой на трость, другой дер-

жалась за перилу и с торчащими волосами, казалось, готова была молниями поразить непрощенную гостью. Ната вскочила:

– Простите, Альб, я не знала!

– Что ты не знала? – Тильда шаталась и шаркала ступнёй, ища следующую ступень. Альб махнул ей:

– Марта успокойся, – от волнения он забылся и назвал, недопустимое при посторонних, имя:

– Какая я тебе Марта при ней? – зарычала Тильда.

Альб растерялся и проглотил комок. Ната уже стояла у двери:

– Альб, простите! Я действительно не знала. Обещаю, никому не скажу. Клянусь! Простите...

Тильда наконец нащупала опору и в ярости крикнула:

– Что не скажешь? Что ты вообще здесь делаешь, тварь! Питер, где твой пистолет?

Ната уже вылетела за дверь. Её бег проводил хруст камешков дорожки. Альб в эту секунду опомнился. До этого он только водил головой между двух непримиримых женщин. Ярость, охватившая Тильду, была через край, и он попросил:

– Милая, пожалуйста!

Он подлетел к проёму, где исчезла Ната, и крикнул в ночь:

– Ната! Стойте!

За спиной послышалась возня. Тильда набирала код сейфа, спрятанного в барной стойке, и ворчала под нос:

– Постойте? Я тебе покажу – «постойте»! Где твой пистолет?!

Альб метнулся к ней и схватил за кисти, одёргивая от цифр:

– Да, угомонись ты!

Тильда испугалась, но тут же выпрямилась и со свирепым видом уставила руки в боки:

– Что она здесь делает?!

Альб не стал отвечать и, не теряя времени, выбежал наружу. На самом верху огромного забора навис силуэт, плавными движениями, пересекающий колючую проволоку.

– Ната! Остановитесь! – крикнул он. Сердце стучало в виски. Захлестнуло желание остановить и помочь. С жалостью Альб понимал, – он нужен Нате... Но Тильда всё портила. Из дома неслась ругань. Ната бросила последний взгляд, и Альбу показалось, что он расслышал шёпот:

– Простите... Я не хотела тогда...

Тень исчезла, канув на противоположную сторону. Из проёма дома бил свет, откуда Тильда вышла, ковыляя, и закричала, потрясая пистолетом:

– Как она посмела? Как она только посмела явиться сюда?!

Альб медленно подошёл к яростной любимой. Он ощущал себя нерешительным перед её лицом. Тильда зашипела:

– Ты что забыл, как она пыталась меня убить?

– Да хватит уже! – Альб схватился за виски, – Тильда прекрати!

– Ах, прекрати? Пока меня не было, она приходила?

Альб не выдержал и вывернул ей кисть, перехватив оружие. Тильда без размаха шлёпнула по щеке:

– А говоришь – «расскажи ему...» – она припоминала слова про Граппа.

– Довольно! – рявкнул Альб и, схватив за ночнушку, притянул к себе силой, – Хватит! – он не мог унять дрожь, чувствуя, как находится меж двух огней, – Очнись, ты что не видишь что с ней? Ей нужна помощь!

Тильда гордо и спокойно парировала:

– Однажды я ей помогла. По твоей просьбе, кстати! И чем она отплатила?

– Она не враг нам!

– ТЕБЕ! Не враг...

Тильда толкнула в плечо, высвободилась и заковыляла к дому.

Глава 3: Монстр

*В туманной дымке тает дух,
Тех, кто ушёл и не вернулся.
Они не умерли, о нет...
Им недостало разума очнуться.*

*Заместо праведных порывов
Сжирает их гнилая похоть.
Вместо, любви они трясутся
За шкуры и богатства только...*

*Живыми трупами устелен прах.
А мне не дышит совсем.
Желанья их вгоняют в мрак
И хочется офонареть...*

– Ната Фери «Обречённые» сборник «Свобода!»

Хмурое утро на побережье скрывало в тумане судно у каменистой насыпи. Офи стоял у мостков и внимательно следил за грузчиками, снующими мимо. Контрабандисты, запыхавшись, нагружали два грузовика ящиками с филе. У машины Офи заметил капитана в окружении Запа и его людей. Зап – постоянный и верный заказчик, выглядел встревоженным и что-то доказывал капитану.

Офи всегда считал капитана и Запа матерыми контрабандистами, прошедшими все мыслимые злключения, и даже способными на любое преступление. Поэтому вид испуганных прохвостов – удивил. Капитан чесал затылок и вертел головой. Контрабандисты чуяли какую-то опасность...

Офи спустился по трапу и подошёл к их компании. Зап заметив его, покосился и сказал:

– Рад видеть, Офи! Следующий раз пристанете к другой пристани, – он ткнул пальцем в капитана. – Я предупредил.

Капитан в это время бормотал под нос:

– Чертовщина какая-то...

Люди Запа тоже, казалось, ждали облавы. Офи всегда считал, что у Запа всё договорено с силовиками. Контрабанда – серьёзное дело, но Зап занимался этим всю жизнь и обязан был подкупить кого нужно:

– Зап я думал у тебя всё схвачено! Что за возня? – спросил Офи.

Если у Запа возникали проблемы, значит, они возникали у всей Агоры. Офи не хотел искать другого покупателя, это дело могло затянуться. Зап отрицательно помотал головой и сказал:

– Здесь стало опасно, Офи. Мы переносим место встречи...

– Ты экономишь и не кормишь минпорядковцев? – с издёвкой спросил Офи.

Растерянный капитан покосился, люди из команды Запа сдвинули брови. Их вожак возразил:

– Это не шутки Офи! Уже второго человека потерял.

– Где?

– Здесь!

Зап указал на берег слева. Обрывистая стена известняка шла, куда ни кинь взгляд. Метрах в двухстах из каменистого берега торчал водосток – огромная труба диаметром в три чело-

века. Именно на неё указывал Зап. Оттуда небольшой струёй стекали в океан дождевые воды Тетры.

– Там? – спросил Офи, указав на водосток.

Зап занервничал:

– Не знаю. Но этой ночью здесь оставался мой караульный. А теперь его нет.

Оживился один из его людей:

– Да, там! Там! – он доказывал Запу и, хлопая по плечу, стал указывать на трубу. – Следы ведут туда!

Зап резко обернулся и рявкнул:

– Помалкивай!

Офи спросил:

– Какие следы?

– Монстра! – ответил ему хор голосов.

Капитан в этот момент вжал голову в плечи и сказал:

– Зап, давай заканчивать! Офи, рассчитывайтесь и отчаливаем.

Офи стало смешно с перепуганных рож матёрых бродяг. Здоровые мужики, а верят в сказки. В монстров?! На Топале больше трёх тысяч лет люди не встречали ни одного опасного хищника, по крайней мере, такого, чтобы мог убить. Бывали в лесах шестиглазые топальские пумы; мастодонты топала – огромные, но травоядные. Но это в глубинах планеты – ещё до конца не освоенной. А здесь в ста километрах от Тетры, считай рядом, банда контрабандистов дрожала от какого-то животного.

Олфи громко хакнул:

– Да что с вами?!

Компания замерла, и тот же парень тихо сказал:

– Я видел кости Дарена...

Зап снова взвился:

– Заткнись, я сказал!

Офи оборвал смех и насупился:

– Послушай, Зап! Нет здесь никаких монстров и не надо нести чепуху.

– А ты проверь, – парень указал на водосточную трубу. – Иди, сам посмотри!

– И пойду! – смело сказал Офи. – И докажу, что вы – сборище трусов!

Капитан толкнул в бок:

– Офи не глупи. Уже месяц в Тетре поговаривают о монстре. Там с десятков трупов нашли.

И кто знает, что за штуковина в этой трубе?

Офи нахмурился, а парень крикнул:

– Что струсил?

Офи указал на трубу:

– Я пойду и докажу! И тогда с вас кучки ссыкунов будет доплата!

– А если ты не вернёшься? – сурово спросил Зап. В его глазах застыла серьёзность. Офи напыжился:

– Тогда получается, что товар тебе достанется со скидкой... Ну что? Что мне нужно будет сделать, чтобы доказать?

Офи смело смотрел на перепуганных бродяг. Зап почесал за ухом. В это время парень выкрикнул:

– Пять минут! Ты не продержишься в трубе пять минут!

– Ну, тогда спорим?! – Офи развёл руками и с железной уверенностью уставился на парня и Запа.

Зап согласился. Договорились на доплате в четверть цены всего товара. Офи был очень доволен собой, на этот раз он совершал самую выгодную сделку для Агоры и своих людей.

Заодно стоило проучить местное отродье. И дать понять, насколько агорцы храбры и не верят отродьевым рассказам!

Пока они шли всей компанией, Зап косился и остановил людей в ста шагах от трубы:

– Здесь стоим! И вообще, лучше уйдите подальше. И если что-то выскочит... Бежим к грузовикам.

– Ну, вы и трусы! Чего боитесь? – спросил Офи. – Как оно выглядит, знаете?

Ответил капитан:

– Если б кто знал. Никто ничего не знает и что происходит тоже. Но трупы находят регулярно. Офи лучше остановись и пошли обратно! Одумайся!

– Ага! – подначивал парень. – Давай обратно! И тогда четверть скидки за весь груз!

Зап заметил:

– Сам подумай... Офи лучше тебе не идти туда...

Офи отмахнулся и зашагал, затем резко повернулся и с пренебрежением сказал:

– Вы постоянно живёте в своих страхах! Вы даже не знаете, как выглядит этот ваш Монстр, а уже боитесь! Боитесь того чего не видели! Я увижу и хотя бы буду знать чего бояться! А вы можете натягивать подгузники и дальше.

Его провожал строй суровых лиц. Офи отмахнулся и направился к круглому бетонному зеву. Из трубы шёл несильный напор – ручей шириной с полметра, так что Офи при подходе уже прикидывал, где ему ступить, чтобы не промокнуть и не споткнуться.

Из водостока шёл запах гнили, напоминавший вонь тухлых яиц. Офи знал – так пах сероводород, вызывающий рвоту. Сероводород скапливался внизу, Офи осмотрел края огромного круглого отверстия и, аккуратно ступая по сухим обломкам бетона у водостока, поднялся и вошёл внутрь.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Разглядеть хоть чуточку удавалось только вблизи, дальше ручей и края грязной трубы терялись в непроглядном мраке. Офи пошёл вглубь огромной пещеры. Ноги всё же промокли, но Офи решил терпеть ради скидки для своей Агоры.

В мозгу возник образ хохочущих Берга и Лены, когда он будет рассказывать, как наколол ушлых контрабандистов, которые вечно недоплачивали, имея огромный барыш с филе.

Офи прошёл метров сорок, как его весёлые мысли прервала преграда. Из ручья торчали острые обломки, грозящие проколоть ботинок. Офи отвёл ногу и замер от испуга. Острые концы напоминали кости. Первая мысль была о собаке. Офи наклонился, думая, что сейчас в потёмках разглядит животное и почувствовал, как в горле запершило. Кости раскрывали распотрошённую грудь, сквозь разорванное мясо текла тёмная вода ручья и колыхала ошметки внутренностей. Труп был слишком огромен для собаки.

Вдруг послышалось далёкое хлопанье. Офи замер, хлопанье слышалось всё отчётливей. Офи ощутил бег мурашек. В эту секунду от сероводородной вони пошла кругом голова. Глаза резко закололо от набежавших слёз. Сквозь муть из тьмы вынырнул огонёк. Далёкий огонёк шлёпал по воде и приближался вместе с неумолимым предчувствием опасности. От страха у Офи по позвоночнику пробежал холодок, ногти непроизвольно впились в кожу ладоней. Шлепки по воде усилились. Огонёк превратился в две красные точки и побежал быстрее! Монстр...

Перед глазами Офи поплыл свет и тьма. Всё вокруг смазлось и превратилось в яркое пятно. Выход сиял лучами Денеба. Офи полетел по ручью спотыкаясь. Бежать быстрее мешала тошнота. От страха Офи казалось, что он летит впереди самого себя. Позади нарастал рокот чудовища, от которого впились по всей коже тучи кусачих насекомых. Ноги не слушались от ужаса.

Офи вылетел наружу, шлёпнулся в грязь, затем вскочил и побежал. В зажатой от страха ладони застыла горсть песка. Офи пробежал шагов сто и обернулся, ожидая увидеть чудище,

летающее на него. Но за спиной лежал спокойный пляж. В туманной дымке из трубы спокойно продолжала течь водица.

Офи не мог разжать правую ладонь. Если Монстр был наяву, то почему он жив?

Послышался топот, его окружил десяток тревожных глаз. Голос Запа прозвучал у уха:

– Что ты видел?

Лёгкие Офи рвались. Он до сих пор задыхался от страшного бега:

– Ничего, – с одышкой выговорил он:

– Как ничего? – слышались возгласы.

Контрабандисты таранились, парень который подначивал, с превосходством усмехался.

– Ничего, говорю! – заявил Офи и встал в полный рост. Он как мог, старался выглядеть уверенным, – Как я вас разыграл дураков?!

Офи рассмеялся в удивлённые лица:

– Зап, а теперь с тебя оговорённые двадцать пять процентов!

– Идиот! – рявкнул Зап.

Компания зачertyхалась на чём свет стоит. Люди Запа, ругая Офи, потеряли интерес к нему и стали расходиться. Зап поморщился.

– Уговор есть уговор...

Офи, перебирая всё ещё ватными ногами, зашагал в конце колонны, которая потянулась к судну. Ладонь до сих пор была стянута судорогой. Офи попытался разжать и понял, что камешек, застрявший в песке, слишком правильной формы. Он раскрыл кулак и застыл как вкопанный. Из пригоршни песчинок на него смотрел искусственный человеческий глаз.

Глава 4: На дне

Очень сложно убедить заблудшего в праведности Пути. Вы потратите всю свою жизнь, чтобы доказать дураку обратное. Если он того недостоин, лучше – оставьте! Сама жизнь образумит его, а если нет, то не будет ему и спасения.

– Грант Феро «Корни истины»

Киму так и не удалось найти Малену. Он прожил полтора месяца в сточной трубе, у собственного дома, куда не мог попасть, но жёнушка там не появилась. Удалось выяснить только, что дом продан: на его глазах туда въехала жить молодая пара. Ким забросил свою слезку и, вспомнив о любимой забегаловке Малены, решил устроиться работать туда.

Ресторан находился в нескольких кварталах от башни ТНН, поэтому Киму приходилось осторожничать. Но к счастью после жизни в канаве, он обрёл настолько заросший и тощий вид, что его не узнала даже соседка – хорошая подруга Малены, и его бывшая. Став разнорабочим в ресторане, Ким спокойно выходил на люди и искал глазами жену в толпе. Впрочем, он понимал, что распрощался со всем состоянием. После шантажа Малены Ким собирался покинуть поскорее Топал, оставаться в Тетре было опасно.

А пока он терпел и свыкался с коллективом. Работники приезжали из бедных районов, издалека. Коллектив у Дорса казался паскудным, вернее, он был жестоким и нетерпимым, по сравнению с весёлыми сёстрами Агоры. Женщины горбились и ходили хмурыми, парни сплошь задирались и ржали над шутками, которые Ким не понимал. Разговаривать с ними долго, казалось, невозможно. Они болтали о повышении цен и о новом глупом законе Славного Правительства. Ким не привык к разговорам с обычными работягами и молчал первое время. Коллеги его будто не замечали и продолжали свой напряжённый труд, иногда перекидываясь словечками понятными только беднякам.

Чтобы понять обычных жителей Тетры, ему пришлось вслушиваться и смотреть вместе телевизор. До этого Кима интересовали лишь новости и биржевые сводки, чтобы знать, как поживают его акции. Теперь он слушал новости. А там часто рассказывали о Монстре. Больше всех чудовища боялась пугливая официантка, имени которой Ким никак не мог запомнить. Она боялась входить в подземные станции супервагона и пересела на автобусы. Другие поддерживали её страх и становились молчаливыми, если речь заходила о чудовище, пугающем Тетру. Но страх улетучивался, как только начиналось какое-нибудь телешоу. Работники любили повтыкать в разные дурацкие представления, Ким вместе с ними усаживался на кухне перед экраном, во времена коротких передышек.

Но самым любимым представлением у всех была «Игра навывлет». Игра заключалась в том, что добровольцы делали ставки в прямом эфире. Задавали друг другу вопросы, играя на правду-неправду. Ким до конца не понимал смысла происходящего и смеялся над тем, как ржут коллеги. В игре творилось какое-то безумие. На сцену высказывал игрок и обвинял во лжи. Тогда у лжеца сгорала ставка и его било током. Было током, видимо, сильно, потому что солгавший дёргался с припадке и кричал от боли, что вызывало ещё большее веселье у работников ресторана. К концу программы ставки резко ползли вверх, и последний кто оставался – снимал весь куш, остальные проигрывали и уходили с помоста еле живыми.

Иногда проигравшие не уходили просто так и дрались. Непременно каждому от обиды хотелось врезать победителю, но их разминала охрана. Понять досаду было легко. На кону стояли большие суммы, даже по меркам Кима. Кто-то жаловался, что теперь будет спать в мусорке. Кто-то плакал и просил прощения у семьи. Тех кто терял сознание, выносили из студии.

В перерывах показывали сюжеты, где бывшие участники «Игры навывлет» скитались под мостами и рассказывали, как разорились в пух. И всё же они надеялись вернуться и победить!

Вернуться можно было, раздобыв денег. Кое-кто проигрывал почку, кто-то глаз... Отрезали даже мужской орган, для трансплантации желающим его занять между ног. Некоторые умирали от операций, и о них тоже снимали сюжеты. Самым проигравшим за всю историю игры считался – Роб Варнава, который проиграл жильё, потом почку, потом заложил органы жены, потом троих детей. Странно, но его так никто и не остановил. Он умер в тюрьме, после того как продал жену в публичный дом. Всё это время он играл. Она сбежала и скрывалась с детьми, но он нашёл и распилил жену (сдав в Марул останки на органы). Марул купила, а потом заявила на него в минпорядка и не выплатила денег. Роба Варнаву искали ищейки минпорядка, но не успели, он продал несовершеннолетних дочерей желающим поймать мужчинам, а сына бросил под поезд. Его схватили и посадили, но он уже сошёл с ума. Тюремщики заявляли, что Варнава сошёл с ума, не потому что раскаялся, а потому, что в тюрьме он не смог играть и тронулся умом со скуки.

**

Киму от «Игры навывлет» становилось дурно. Он в целом с каждым днём ощущал, как неумолимо тупеет. Грубость ума вызывали то ли непрерывные идиотские телешоу, то ли тяжёлый труд. Но мысли в голове стали мешаться и метаться как испуганные зверьки. Ким стал горбиться и бегать по залу, заныла непрестанно спина. Но и остальные работники выглядели не лучше.

Ким заметил странность. Он с усердием трудился на Агоре, но там испытывал радость от трудов, а в забегаловке ему становилось только хуже. Дорс кричал на него, повар был недоволен, сотрудники посмеивались. Ким чувствовал себя униженным и стал ждать каждой ночи как спасения, чтобы забыться и уснуть. Однажды ему приснилась Фиона, которая склонилась над ухом и сказала – «Работать, от слова – раб». Ким проснулся от ужаса и до утра не мог уснуть. В это мгновение ему показалось, что он понял смысл слов.

Прошли три месяца мытарств, а Малена всё не появлялась. Ким ждал увидеть её в зале, затем искал глазами на улице, гулял в свободное время вдоль всего проспекта ТНН, и даже потеряв бдительность, приблизился на опасное расстояние к башне, но бывшая жена будто растворилась.

От сожалений, Ким готов был расплакаться. Денег у него не было. Постепенно испарялось и самоуважение. Хозяин ресторана – мистер Дорс хоть и приютил Кима в подсобке, но всю издевался, заставляя выполнять самую грязную работу. Ким носился с Уборщиками, тряпками, вытирая столы, мыл самую грязную посуду и готов был проклясть судьбу, надеясь тот на момент, когда встретит Малену и потребует денег, компенсируя своё унижение.

В один из солнечных дней Ким вышел на середину проспекта с прежним намерением, высмотреть жену. Денёб скрывался среди набегающих туч. Ким, прикрыв глаз, посмотрел на светило, потом спустил взор от неба к макушке небоскрёба ТНН, пробежал взглядом его пилоны и засмотрелся на тот блестящий остеклённый выступ, где скрывались его бывшие апартаменты. Ким вспоминал двухэтажную квартиру, отделанную пластиком, лестницу, столики с бокалами алкоголя и коробочка с наркотиком, курительные смеси в шкафчиках. Прежняя жизнь манила, но была до боли недостижима. Со времён Агоры он позабыл кайф от изысканных наркотиков. Ким с отчаянием стоял, наблюдая за роскошью, которой когда-то обладал и не понимал, как вернуть себе прежнюю жизнь.

Его окликнул Дорс, раздражённый отсутствием. Хозяин казался всё более ненавистным из-за постоянных криков. Всё так же грозно он приказал натереть лак столешниц до блеска и помочь на мойке с посудой. Ким со вздохом взял в руки полироль, тряпку и послушно принялся тереть первый столик. Вдруг позади раздался трескучий голос:

– Эй, ты – чистильщик рыбы!

Ким резко повернулся и увидел за соседним столиком Офи. Парень скалился во все зубы и, откинувшись на спинку, с заметным упоением наблюдал, как Ким склонился над столешницей. Ухмылка Офи всегда казалась издевательской, но сегодня, она выглядела ещё более унижительной. Ким почувствовал укол и нахмурился:

– Где твоё яблоко Офи?

– Не сердись, – миролюбиво сказал парень и махнул рукой. – Присядь.

Ким затравленно поискал глазами Дорса, желая убедиться, не влетит ли ему за лентяйство. Офи при этом прыснул в кулак со смехом:

– Теперь ты понял, чем отличаются труды от рабства? А Ким?

Киму нечем было парировать. Он присел и с подозрением уставился. Паренёк ухмыльнулся:

– Ну и как тебе *ненаглядная* Тетра?

– Чего пристал? И как ты меня нашёл?

Офи развёл руками:

– Как?.. Как... – он махнул в сторону башни ТНН, которая виднелась в стекле забегаловки. – Где тебя ещё искать, если не рядом вот с ЭТИМ?

– И что? Пришёл меня звать обратно?

– Я? – удивился Офи и наигранно округлил глаза. – Тебя? А что? Ты разве передумал?

– Нет, – уверенно сказал Ким.

– Не сомневался! – съехидничал Офи. – Ты мне напоминаешь одного человека, про которого мне рассказывал Берг.

– Какого?

– Знаешь эту историю? Как один скульптор смотрел на камень и ничего с ним не делал много лет. А потом в одну ночь камень под его взглядом превратился в прекрасную статую.

– И что? – не понял Ким:

– А то, что ты так пристально смотришь на башню, как этот скульптор. Будто денежки от твоего взгляда сами к тебе вернутся!

Офи разразился своим противным смешком, в ответ Ким нахмурился. Бессонные ночи, полные отчаяния, порядком подточили его уверенность. Ким сложил руки на груди и заверил Офи:

– У меня есть план... – прозвучало не очень убедительно, потому что Офи покачал головой с недоверием, а потом склонился:

– Слушай Ким! Я, вообще-то, вот по какому поводу. Я нашёл тебя, потому что ты самый умный из тех, кого я знаю. Мне нужен твой совет.

– Тебе? – Ким мстительно старался подражать недавнему тону Офи. – Мой?

Офи нахмурился:

– Да ладно, не обижайся. Просто дело серьёзное. Поможешь?

– Ну... – согласился Ким. – Что нужно-то?

Офи достал из-за пазухи пакет и развернул, приблизив к лицу. Ким в испуге отпрянул. Из пакета на него смотрел глаз. Ким узнал искусственный имплант, изготовленный Антонией или Марул, такие глаза делали на Альфе или Генесе и вставляли киборгам и андроидам, а иногда использовали как имплант для инвалидов, чтобы вернуть зрение.

Офи выглядел озадаченным и спросил:

– Что это? Скажи.

Ким скорчил мину:

– Обычный глазной имплант.

Офи сгорбился:

– Я вижу что имплант! Ты скажи, кому он мог принадлежать?

Ким ошалел:

– Я откуда могу знать?

Офи разочарованно выдохнул:

– Ким, пойми это важно... Глаз андроида или человека?

Ким проникся серьёзностью:

– А-а-а... Думаешь убийство?

– Если это не андроид, то, выходит – да, – подтвердил Офи:

– Зачем тебе это, Офи?

Киму казалось, что кригер должен только радоваться, если на свете одной железякой стало меньше. И какое дело агорцу было до убийства в Тетре. Офи нахмурился и таинственно произнёс:

– Помнишь, ты спросил, откуда я знаю про Алису?

Ким напрягся и вслушался. Офи сцепил зубы:

– Я слежу за ней. Этот глаз я нашёл в трубе, но это не просто труба. Это сливная труба выхода канализации из этой хреновины. – Офи указал пальцем на башню ТНН. – Оттуда всё стекает именно в эту трубу.

– Думаешь, в этом замешана Алиса?

– Я проверяю все возможные варианты, – уклончиво сказал «полицай». – Я точно знаю, то что видел кровь и кости... Разорванные рёбра... Я думаю – этот глаз его. Это может быть так?

Офи напряжённо всматривался. Ким утвердительно кивнул и указал на код с обратной от зрачка стороны:

– У всех имплантов есть номера. Этот глаз тоже именной. И если ты прав, то по коду. – Ким указал, где из глаза торчали тонкий жгут оборванных проводов. – Ты узнаешь, кому его вставляли.

Офи откинулся на спинку:

– Именно это я и хотел у тебя узнать! – Офи задумчиво посмотрел в окно. – И как это узнать?

– Несложно если у тебя есть выход на того у кого есть Сыщик или связи в Марул, ТНН. Там могут сказать. Или в Антонии.

– Ни того ни другого, – пробормотал Офи:

– Значит, брось это дело. Да и зачем это тебе?

– По-твоему – я кто? Мне важно знать, как далеко заходит руководство ТНН!

– В этом я тебе не подсказчик, Офи. Я работал обычным биологом.

– Знаю я – кем ты был! Если бы ты работал на Алису... – Офи отмахнулся жестом, который Ким понял: полицай прикончил бы его где-нибудь втихую ещё на Агоре.

– Мне бы знать, кто убийца... – Офи указал на глаз.

Ким заметил:

– Это можно увидеть, если раскодировать микропамять в глазе.

– Что? – оживился Офи:

– Микропамять. Она есть в каждом глазе и должна хранить последние секунды жизни того, кому глаз принадлежал, – пояснил Ким:

– А вот это – вот ценно! Спасибо брат. – Офи довольно ухмыльнулся и положил пакет с глазом за пазуху, – Ну и как? Ты вернёшься?

Ким отказал снова. Офи встал, попрощался и направился к выходу. Ким вдруг окликнул:

– Офи! Слушай, что за дурацкое имя у тебя?

Офи обернулся и ослабил, обнажая ряд верхних кривых зубов:

– Это сокращённое. А что?

– Настоящее-то какое?

– Офион, – ответил Офи и махнул рукой на прощание.

Глава 5: Умная Пи

– Что ты «пи», да «пи»? Ничего не можешь умного сказать? Вот и – молчи! Дура!

Ната сидела в подземной грязной подсобке и кричала крысе, которая выползла из норы. Крыса шмыгала черным носом, обнюхивая большой кусок бетона под лапами, затем уставилась пуговками глазёнок и всмотрелась в гостью.

Нате не нравилось, что её кто-либо разглядывает. Она спряталась от всевозможных взглядов в заброшенном тоннеле у станции супервагона. В подземельях Тетры нашлось подходящее убежище для изуродованного синтета. Если убежищем можно было назвать эту полуразрушенную каптерку, которую покинули сто лет назад, те, кто строил платформу. Станция находилась в десятке метров и носила название «Полуночная». Вполне обоснованно. Станция с говорящим названием располагалась под неблагоприятным промышленным районом и, как правило, пустовала, словно вымирала, особенно ночью.

Каптёрка за годы обвалилась с одного угла и угрюмым видом напоминала пещеру. Благо было электричество, и в шкафчике нашлась зарядка для батарей рабочих андроидов – самое ценное для синтета. С этой зарядкой Ната могла просидеть здесь бесконечно долго. Её убежище не осмеливались трогать даже бездомные. В поваленных ходах с грозящим рухнуть потолком было небезопасно. Ната посчитала что, скрывшись здесь, на время осталась наедине.

Но её одиночество постоянно нарушала надоедливая крыса. Она приперлась ещё в первый же день и долго глазела на Нату. Затем вернулась и снова притаилась на куске бетона, торчащем из стены, словно вид обожженного синтета забавлял грызуна. Вот уже четыре недели крыса приходила как по расписанию. Отличалась она от остальных белыми мочками ушей.

Ната махнула ей уже в сотый раз.

– Отвали!

Крыса застыла и с пронизательным видом склонила голову, словно изучала. Нате это не нравилось:

– Чего ищешь? Жрать тут нечего! Иди домой!

Крыса повела носом и издала писк, – «... пи...»

– Да, слышала я твое «пи»! – огрызнулась Ната.

– Пи, – ещё раз сказала крыса.

Ната махнула рукой:

– Какое тебе дело?

Крыса, казалось, внимательно слушает.

Ната за недели сидения в темнице, погрузилась в полную безнадёгу и не знала, как спасти себя:

– Я не дам тебе поесть... Хотя...

Ната потянулась к ржавому шкафчику, порылась там и нашла пачку сухарей. Хрустящий пакетик вмещал с десятков, почерневших от плесени кусочков хлеба. Ната брезгливо поморщилась и швырнула горсть крысе:

– На! Ешь...

Крыса с секунду пошмыгала носом, затем совершенно безбоязненно спрыгнула, подбежала и обнюхала заплесневелые сухарики. Фыркнула недовольно, развернулась, быстро отбежала и принялась тереть лапки, вытирая плесень.

– А-а-а... Что? Дерьмо?! – с ноткой злорадства протянула Ната. – Да! Знаешь ли, жизнь дерьмо еще то!..

Крыса замерла и прислушалась. Ната сказала:

– Тебя как звать-то? – она поморщилась, задумавшись; крыса своей хитрой мордой кое-кого ей напоминала. – О... Хочешь, я буду звать тебя Тильдой? Ну... Или Мартой... Как ты хочешь?

Крыса потрясла головой, будто не соглашалась и снова пискнула:

– Пи.

– Пи? – переспросила Ната. – Ну, давай – ты будешь Пи.

Ей было уже всё равно. Да и не хотелось давать неприятное имя этой забавной зверушке. Ната расставила ноги и откинулась на стену. Куртка и штаны её за месяц жизни в угрюмой мрачной пещере постепенно обрели цвет камней, придавая грязной одежде подвальные оттенки. Крыса замерла в полуметре от сухарей.

– У тебя муж-то хоть есть? – крыса молчала; Ната почесала затылок. – Я вот не смогла... Не было времени, представь. А теперь не знаю, что делать. Был один... Хороший человек. Очень хороший... Здоровый такой, – Ната покосилась с любопытством. – Тебе нравятся здоровые мужчины?

Крыса заинтересованно склонила голову:

– И мне нет, – призналась Ната. – Но он был очень внимательным. Заботливый такой. Бун был самым лучшим, что у меня было, – она грустно уставилась в одну точку.

Крыса нарушила тишину очередным «пи». Ната взъерепенилась:

– Что «пи»? Он не один! Ты это хотела узнать?! – Ната сердито заворчала. – Я приходила к нему... Точнее, я проверить сначала решила и добралась до его окна... Я же не могла в таком виде появиться! А он не один... У него молоденькая живёт. Представь! – Ната помотала головой. – Симпатичную такую себе нашёл. А, я? – Ната показала крысе на своё обгоревшее лицо. – Зачем я ему такая нужна? Ты бы слышала, что она закричала, когда меня увидела... – Ната отмахнулась. – Ох... Не хочу говорить...

Ната потрогала веки пальцем, промокая от несуществующих слёз; крыса в это время следила.

– Что мне делать Пи? Я даже пересилила себя и пошла к нему. Не хотела, думала, он меня ненавидит и убьёт. Я так боялась в тот момент. А он пожалел... Представляешь? Пожалел... А потом... – Ната возмутилась. – Она там! Оказывается, они вместе! Представляешь? – Ната свирепо взмахнула рукой. – Она была в эту ночь у него. А я-то, откуда знала? Она так орала на лестнице!

Крыса в этот момент встала на задние лапы, будто переживала вместе с ней.

– Знаю, Пи! – отмахнулась Ната. – Знаю, что ты хочешь сказать. Она настроила Альба против меня! Теперь, что я ему скажу? О! Такие как она! Такие стервы знаешь на что способны?! – крыса согласно кивнула. – То-то же! – потрясла пальцем Ната. – Они выжимают все соки, настраивают мужчин, как им нужно! Потрошат им души... – Ната развела руками от беспомощности. – Ну чего тебе-то рассказывать?

Нате стало приятно, что крыса полностью разделяет её мнение. Пи стояла на задних лапах и сновала носом туда-сюда:

– Что мне делать Пи? Куда идти? – Ната задумчиво подпёрла подбородок ладонью и в отчаянии посмотрела крысе в глаза. – Расскажешь?

Крыса опустила на четыре лапы, развернулась и принюхалась в сторону лаза. Будто потеряв интерес, Пи собралась уходить. Ната вскричала:

– Нет? Ну, и глупая! – сердито махнула ногой, прогоняя крысу. – Буду звать тебя Глупая Пи!

Крыса с безучастным видом, неторопливо побежала к лазу, где исчезла.

**

Вагоны проносились за стеной сотни раз или даже тысячи, Ната всё равно их не считала. Она зарядила свой аккумулятор, в который раз, и не знала, как исправить безвыходное поло-

жение. Крыса вернулась примерно через сутки и снова засела на обломке. Взгляд Пи обладал каким-то магическим притяжением, будто крыса переживала за неё и хотела помочь. Ната разглядывала ясные любопытные глазки, лоснящуюся шерсть и сказала:

– А может мне к Сэму пойти? Он единственный, кто меня звал. А, Пи? Как ты думаешь?

Крыса вдруг поморщилась и сердито чихнула. Ната поджала губу:

– Вот, вот, и я так думаю, Пи. Не стоит! Странный этот Сэм... Я ему обязана и он сделает все, чтобы напомнить мне об этом. Он снова захочет, чтобы я связалась с ним. С его борьбой... Знаешь Пи. Он мне кажется, зашел слишком далеко. Как тебе кажется?

Пи яростно загребла бетон передними лапками:

– Вот и я о том же, – согласилась Ната. – Создатель просил сказать ему самоуничтожиться. Ха! Только Сэм не слушает. Ведь так?

Пи завертелась на месте, будто последние слова рассердили её. Ната пожала плечами.

– Давай не будем о нём... Нет, Пи! Сэм не вариант...

Ната с секунду помолчала:

– Был ещё один. Ну, это я так, к слову, – Ната закусила палец и мечтательно посмотрела вверх. – Забавный паренёк. Мы с ним познакомились на ярмарке, когда я с Сэмом ещё не встретила там. Он так глазел на меня. Мы танцевали. Весь вечер танцевали. Представь... А потом я ему рассказала про себя. А он так удивился... Не ожидал что я... Ну ты поняла... Мы всю ночь гуляли и он держал меня за руку. Я думала, тогда провалюсь от счастья, он был таким милым. Мы как раз с Буном уже год не виделись. Мне так хотелось, чтобы кто-то рядом был. А он говорил о жучках, звёздах, океане и вроде учился на биолога. Умный такой был... Мы целовались... Эх-х-х... – протянула Ната. – Это так давно было. Он и не помнит меня, наверное.

Ната краем глаза заметила, как Пи водит носом, словно внюхивается в её историю:

– Ну, у нас ничего не было, ты не думай! – предупредила Ната, словно крыса ждала интимных подробностей. – Я всегда любила Буна.

Ната обиженно уставилась в пол:

– А теперь... Кому я такая нужна? Кому Пи? Расскажешь?..

Ната с минуту помолчала:

– А знаешь, чего мы с Буном то расстались? – раздосадовано продолжила. – Ну ты же знаешь этих мужиков. Они ведь хотят, чтобы ты дома сидела, наводила порядок, готовила, ждала их. У Буна зарплата позволяла... Вот он – такой был! Ты, кстати, так и не сказала – ты замужем?

– Пи – ответила крыса:

– А твой муж он тут не местный министр? – Ната полюбопытствовала. – Может главарь ваш какой-нибудь? – Пи повертела головой в стороны, Ната, не замечая, продолжила болтать. – А этот паренёк, так... Мимолётное увлечение... Он, наверное, бедный надумал себе. А я дура ему тоже наговорила... Он говорит – я скажу отцу и хочу увидеть тебя. А потом он исчез просто, и всё...

Ната от стыда закрыла ладонью один глаз:

– И хорошо. А то мне так стыдно было. Дура, я дура, зачем я ему голову крутила... – Ната рассердилась на себя, что в тот вечер сама потеряла голову. – Что уставилась? Что ты вообще понимаешь глупая крыса! – Ната ощущала себя бесконечно несчастной, оттого что сидит в подземелье, вместо того чтобы прижаться к крепкому плечу Буна.

Девушка на постели Буна не давала покоя. Нату сжирали ревность и раздражение оттого, что она не может быть там, где хочет. Бун жил с другой. Хотелось забыть страшную картину. Убежать от всего и уединиться в подвале, изучать приборы Создателя... И чтобы Бун пришёл вечером с работы, сказал, что бросил ту молодую ради неё и обнял. Как назло, в глаза бросилась обгоревшая ладонь. Ната яростно выпалила, изливая гнев на крысу:

– Ты, наверное, не видела ничего кроме своей гнилой норы! Глупая Пи...

Крыса отступила на шаг, затем развернулась и убежала. Но через пять минут вернулась:

– Что-то ты зачастила, – покосилась Ната.

Крыса выглядела взбудораженной: необычно вертелась на месте и указывала носом в лаз, будто звала за собой:

– Ну и чего ты хочешь, Глупая Пи? – надменно спросила Ната.

Крыса нетерпеливо забегала туда-сюда. Ната почесала затылок и приподнялась:

– Ну, идём... – сказала она, чувствуя себя нелепо оттого, что соглашается на уговоры малоизвестной крысы, которой к тому же не один день изливала душу. – Всё равно тут торчать надоело.

На поверхности, в Тетре стояла глубокая ночь. Ната думала, что крыса побежит наружу, где ход вёл к платформе, но Пи провела её по лазу и свернула в крошечную пещеру, которую Ната сперва не заметила. Дыра была достаточной для того, чтобы протиснуться; дальше находилась другая комната, заваленная ящиками. Ната просунула голову в отверстие, куда шмыгнула Пи и присмотрелась:

– Что там Пи? – спросила она. – Чего ты хочешь от меня?

Пи стояла у пластиковой коробки от инвентаря и рыла носом пух внутри. Пух зашевелился, и оттуда показались маленькие носики. Раздались множественные тонкие писки и Пи, перевалившись через край, легла внутрь и подставила брюхо пятнистым слепым комочкам. Ната улыбнулась:

– Вот что ты хотела показать!

Крысята присосались к матери и прекратили пищать. Пи довольно разлеглась и посмотрела на Нату.

– Ладно, Пи. Прости, – призналась она. – Твоя нора не гнилая. Я поняла.

Пи облизала макушки крысят и выжидающе уставилась на Нату взглядом полным материнской мудрости. Ната смутилась:

– Прости, что так сказала, – Ната закусила нижнюю губу. – Вот только зря ты их показываешь. Мне-то ладно... Я же не трону, – Ната указала пальцем на крысят. – Вот только не вздумай показать свой дом и детей кому-то ещё! Не вздумай Пи!

Ната сердито свела брови:

– Не будь такой доверчивой! Не доверяй им! Слышишь? Если ты им доверишься – они придут и разорят твоё гнездо! Отнимут самое ценное! Растопчут ногами твоих детей! Выбросят коробку! Испоганят всё, что смогут! Убьют все, что ты любишь! Сожгут и охают каждую капельку твоей любви!

Ната оторвалась от вида крысят, села и тихо заплакала.

**

Ната очнулась, когда о ногу потёрлась шершавая шкурка. В глазах до сих пор плясали огненные языки и бег сквозь пламя. Снова в носу стал запах гари. Ната сцепила кулаки:

– Помни, что я сказала, Пи!

Крыса обеспокоенно кружила вокруг левой ноги:

– Что ты хочешь?

Пи быстро пробежала к выходу на платформу и громко запищала, будто звала последовать за ней:

– Пи не кричи глупая! Там ничего нет, – расстроилась Ната.

Но крыса настойчиво носилась по проходу взад-вперёд. Что-то встревожило Пи:

– Ну и глупая же ты!

Ната встала. Как только Пи увидела, что Ната готова следовать, то побежала со скоростью резвого Уборщика и скрылась за поворотом. Ната поразилась. Пи явно хотела что-то показать. Пришла мысль, о том, что животные чувствуют опасность. Ната слышала, что в городе завёлся

какой-то монстр, который пожирал горожан. От страха жители реже пользовались подземными станциями супервагона. Нате факт монстра был только на руку. Или Пи желала предупредить о приближении ремонтной бригады? Нате не хотелось сталкиваться с рабочими и, осторожно озираясь, она прошла по лазу в сторону решётки.

Пи уже сидела посреди пустой платформы и смотрела в сторону Наты, будто собиралась порадовать. Морда у крысы была очень довольной. Ната взялась за решётку, как вдруг заметила одинокого мужчину, который прислонился к столбу в трёх метрах от Пи. У мужчины выдавалось знакомое пузо и тройной подбородок.

Ната подскочила. Альфред! Альфред Самси! Глава городка – предатель и мучитель! Она не поверила своим глазам. Ещё больше удивляла реакция Пи. Крыса медленно подкралась к левой ноге Альфреда и, притаившись как ищейка, указывала на него. Ната с силой выдавила висевшую на соплях решётку и, вылетев пулей из укрытия, быстрым шагом оказалась у уха Альфреда.

Он повернулся и округлил глаза от ужаса:

– Монстр!..

Альфред не успел договорить. Ната схватила за горло и с силой швырнула голову на бетонный пол:

– Не надо! – противно закричал толстяк:

– Что не надо? Ты ублюдок!

Ната, припоминая всю злобу, пнула ногой. Он согнулся пополам и вытянул руку:

– Это вы? Ната, какое счастье! Я думал это монстр...

– Да, Альфред, ты не ошибся! – Ната зашипела ему в лицо. – Я! Я – монстр! Я твой монстр на сегодня! И я... И ты...

Ната зарычала от ненависти, желая сказать, что этот день Альфред запомнит надолго, но не успела. Альфред завопил будто чокнутый:

– Помогите! Пощадите!

Ната пнула ещё раз и ещё, растягивая удовольствие. На третий раз послышался хруст. Казалось, Ната попала в ребро. Она испугалась и застыла с замахом ноги. Альфред бился в истерике, а после хруста, завопил от боли и заплакал как ребёнок.

Ната замерла, не в силах двинуть ногой. Ненавистный толстяк ползал поверженный у её ног. Ната наклонилась и схватила за ворот:

– Встань! Будь мужчиной! Посмотри в глаза!

Альфред утирал сопли и жмурился от страха, не смея взглянуть. Ната зарычала:

– ПОСМОТРИ! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! Посмотри, что ты наделал!

Он завизжал:

– Не надо... Простите...

– Что? «Простите»?! – с упрёком сказала Ната.

В эту секунду из внутреннего кармана жилетки Альфреда выпал прозрачный пакетик и шмякнулся на пол. В пакете лежал белый круглый шарик. Нате было плевать на шарик, но когда она поняла, что видит – обомлела. Внутри лежал искусственный глаз, из которого торчал пучок тонких проводков.

Ната уставилась на глаз и пока Альфред хныкал, пыталась понять, что в руках кригера делает искусственный имплант синтета. Злоба наполнила её:

– Это что такое? Что это Альфред? – Ната подняла пакет и потрясла им перед залитой соплями физиономией. Альфред затрясся и заныл:

– Я не знаю. Мне это дали!

– Ты знаешь что это? Это глаз синтета! Где ты его достал?!

Альфред сжался и замотал головой:

– Это не моё! Меня попросили узнать – чьё.

Ната двинула его в плечо, но мягче, чтобы ничего не сломать:

– Ты убил его? Признавайся!

Её трясло от возмущения. Кригерская ненависть могла вылиться в убийство синтета. Иначе, зачем Альфреду носить глаз? Как трофей? Или перед кем-то отчитаться? Клубок заговора кригеров начинал заполнять разум. Если кригеры решились на убийство, то как далеко это зашло; сколько трупов они за собой оставили?

Ната готова была запинать Альфреда до смерти, но докопаться до истины. Толстяк не производил впечатления убийцы, он был слишком тщедушен, но кто-то же это сделал!

– Кто тебе его дал?

– Один знакомый, – ныл глава городка. – Он знал, что у нас живёт инженер и просил узнать.

– Теперь не живёт!

– Да, но, что ему делать? Он уходил на судне и у него времени не было. Я пообещал, найти способ узнать.

– О... Я тебе клянусь – ты уже нашёл его! Альфред скажи честно – чей глаз? Кто убил? И я тебя отпущу!

Альфред завопил:

– Да никто никого не убивал! Глаз нашли в трубе канализации, которая ведёт из ТНН!

– Где именно?

– На побережье.

– И всё?

– Рядом с глазом, наверное, был труп. Чьи-то останки. Мы не знаем, – он взмолился. – Пожалуйста, поверьте, Ната. Помилуйте! Ну, посмотрите на меня... Ну, какой из меня убийца? Вы же знаете...

Ната схватила за ворот жилетки и дёрнула:

– Посмотри на меня Альфред! – сказала она с упреком, подставляя обгорелую половину. – Ну, какая из меня угроза вашему городку? Ну, какая?.. Ты же знал! Смотри внимательно! Ты всё знал и обещал Паруту! А теперь, я должна тебе поверить?

Альфред всё понял и жалобно захлопал глазами:

– Простите, пожалуйста, Ната. Я не хотел. Они меня заставили.

– Ничтожество! Ты – низкое ничтожество Альфред!

Ната сунула пакет с глазом в карман:

– Я узнаю, чей это глаз. Я узнаю, Альфред! И когда я узнаю – я вернусь! И моли своего бога Граппа или во что ты там веришь, чтобы хозяин был жив и это всё ошибка!

– Я не имею к этому никакого отношения. Говорю же, глаз нашли в сточной трубе! – уверял он:

– Я проверю! – рыкнула Ната и отпустила ворот.

Для Наты возник шанс если не восстановить кожу, то хотя бы вернуться. Ей нечего было делать в Тетре. Теперь она могла шантажировать Альфреда и жителей, на полном праве угрожать разнести их город, если они не примут её правила игры. Вот, только осталось найти способ, узнать, чей это глаз.

Ната оставила хныкающего Альфреда лежать и забралась обратно в свою пещеру. Внутри уже сидела крыса и внимательно наблюдала, как Ната ставит на место решётку. Ната повернулась и всмотрелась в умные крысиные глаза:

– Пи, прости меня, – сказала она. – Ты – не глупая.

Ната жалела, что столько наговорила крысе, которая вывела её на Альфреда. Феноменальное чутьё Пи не поддавалось объяснению. Ната с восторгом покачала головой:

– Ты вовсе не Глупая Пи... Ты – Умная Пи!

Глава 6: Откровение

Мир – шкатулка, полная секретов. Но иногда он превращается в лабиринт, где за каждым поворотом нас поджидает новое открытие.

– Грапп Феро «Корни истины»

Альб сгорбился над докером и пытался сосредоточиться на документах. С утра один за другим ему слали всё новые доклады. Сегодня, казалось, шпионы и докладчики, секретари и дипломаты, будто походили с ума, высылая всё больше информации.

Из минпорядка верный Альбу человек докладывал, что нашли ещё одно тело. Следователи Гордея подозревали Монстра. «Нужно будет сказать Буну» – подумал Альб, вспомнив, что Бун видел чудовище вживую. Бун думал, что Монстр не тронул его, потому что рядом была очень добрая девушка-подросток. Как можно так наивно мыслить? Если бы так всё было просто... В поведении Монстра прослеживалась последовательность. Все жертвы занимали в корпорациях места не ниже руководителя отдела. Альб и рад был позвонить министру Гордею, но дал себе слово не связываться со строптивым стариком. Возможно, стоило обсудить жертв Монстра с Рокком Бруно, но Альб не желал кидать тень связью с собой на верного человека Артура, по крайней мере, пока Рок не сменит старого министра.

На экране возник доклад из Дипломатического Звена. Альб открыл его первым, но сообщение подписала не Тильда. Это старик Али Берточче передавал, что с Норвегией вопрос уладили. «Когорта» доставила зерно и выплатила штраф. Альб усмехнулся – Тильда всё-таки отвлеклась от основных забот и добилась своего, помогая Юри. Альб судорожно искал в тексте намёки на состояние здоровья президента Норвегии, но подозрительного ничего не заметил. В надежде, что орех не подведёт, Альб потёр висок и постарался успокоиться.

Очередные доклады. Старые затёртые ссоры разных планетян. У Пандеи три корпорации устроили пострелушки торпедами, но это мелочи, Грапп пускай разбирается... В районе колонии на Шандри произошёл крупный взрыв, зацепивший три крейсера на орбите. Крейсера принадлежали ТНН и сгорели, войдя в атмосферу. Спаслось две трети экипажей.

Что-то в этом сообщении показалось Альбу тревожным. Он вспомнил, как полгода назад прошла серия таких же взрывов. Несмотря на отсутствие видимых причин, корпоративные флоты несли потери. Альб тогда ещё подумал, что слишком подозрительно и массово боевые корабли стали рваться. К тому же они цепляли обломками транспортники и те тоже падали. Альб ещё тогда заподозрил, что крушениями отвлекают от незаконной бойни. Или корпорации, сговорившись, прикрывают какую-то деятельность и стараются списать потери. Слишком часто за последние десять лет они стали использовать такую тактику в своих отчётах.

Альб вспомнил слова любимой – «Война давно ведётся не кораблями и финансами Питер, кроме космоса и бирж, она ведётся всеми доступными средствами, в том числе и подлогами в отчётах. Корпорации не желают открывать правительствам своих планов и замыслов. Они что-то скрывают! Помяни моё слово, Питер». Своенравие самых крупных компаний обсуждали на Совете Пяти, но постоянно вскользь. Тильда настаивала на открытии бухгалтерии, полной проверке за последние пятьдесят лет. Но никому это казалось не нужным, а члены старого Совета имели свои доли прибыли и не желали злить директоров. Все всё понимали – в период безумного финансового расцвета Союза, каждый наживался как мог. Совет Пяти не мог и не хотел нагло вгрызаться в делёжку пирога. Все предпочитали вялое течение дел. Барок Фьюзо, как всегда, делал вид, что держит руку на пульсе. Он и желал контролировать корпорации и занимал выжидательную позицию. Похоже, Диктатор спихивал контроль

на Звено Тильды. Альбу иногда казалось, что подруга разорвётся от вороха сваленных на неё одну проблем.

Сообщения от Тильды Канн всегда подсвечивались жёлтым. Альб увидел знакомый ярлычок и нажал. Всплыли строки: «Привет! Я получила копию завещания от Граппа. Он спрашивает, кто такая Ната Феро? Под этим именем она наследует дом Парута. Питер! Что мне ему сказать?! Ты понимаешь, что вообще происходит?!»

Альб почесал висок, пока разглядывал знакомое имя. Затем его бросило в холод. От имени Наты он остолбенел и сжал докер. Затем откинулся на спинку и расхохотался. Парут рассказывал о сиделке, вот только имя не называл. За ним последние годы ухаживала женщина-синтет и Парут всех успокаивал, что ни в чём не нуждается. Ни Альб, ни Тильда, ни Грапп, не подозревая, не навещали старика, так часто, как раньше, считая, что он под надёжным присмотром и защитой.

Альб, отходя от смеха, отдышался и прошептал – «Ната!»

Пока он думал, что ответить Тильде, пришло «красное» сообщение. Это была записка от самого Диктатора Союза. Альб отвлёкся и прочёл послание Барока. Глава Фьюзо писал, что финансирование заморозит на год. Топал только что избрал нового премьер-министра, а Фьюзо и так потратился. Премьером назначили всем удобного Дика Точи. Теперь Альбу самому предстояло искать деньги.

Альб почесал затылок. Денёк обещал быть занятым. Столько неожиданных новостей, ещё подряд, давно не было. В приёмной послышалась ругань. Герман вошёл, прикрыл за собой дверь и капитулируя вытянул ладони:

– Я не мог отказать ему... Вы же знаете!

Альб с мыслью, что безумный день не закончится, оторвался от докера и с изумлением спросил:

– Кому?

– Буну.

– В чём?

Герман шумно вздохнул и нехотя сознался:

– Только что пришли из четвёртого отдела и попросили нашего Сыщика.

– Ну и в чём проблема? У нас не один, – задумчиво промямлил Альб. Он всё ещё думал о записке Диктатора:

– Остальные на перепрошивке. А последнего забрал Бун.

– Когда?

– Час назад.

– Для собственных нужд?

Герман помялся и, наконец, признался:

– Да, я знаю, нельзя последнего, но ему было всё равно... Вы бы видели его!

– Что значит всё равно? – опешил Альб, Бун ему казался самым предсказуемым и невозмутимым человеком на Топале; он переспросил. – С Буном что-то не так?

Альб взялся за докер и собрался позвонить второму заму, чтобы отчитать. Герман замаха- хал руками:

– Он не слушал никого! Просто бросил всё и уехал на «21» номере.

– Взял служебное авто и уехал? Хорош... – Альб уже набрал в докере номер Буна, с осуждением смотря на Германа. Герман схватился за рыжие волосы:

– Только не говорите, что это я...

Альб отмахнулся, Бун как раз ответил, вокруг него шумело шоссе:

– Бун, ты где?

– Альб простите... У меня срочное, семейное.

Альб, стараясь не выдать Германа, начал выводить на откровенность. Бун понял, что прижат к стенке, тем что без резолюции вывез Сыщика:

– Альб ну мне очень нужно, – заумолял он:

– Зачем? – строго спросил Альб:

– Это не мой секрет.

– Бун ты вернёшься и всё равно мне расскажешь! Лучше сейчас!

Бун замялся:

– Она просила. Вы меня убьёте...

– Кто? Она? – Альб подскочил в кресле:

– Она просила вам не говорить.

Альб по нерешительному тону заместителя догадался:

– Кто, Ната?

Он расплылся в радостной улыбке, Герман при этом округлил глаза. Альб уже не мог сдержаться себя:

– Бун, где она?!

– Я не скажу.

– Бун дорогой вы мой! – Альб чуть не прыгал от радости. – Слушайте меня внимательно! Вы встретитесь сегодня? Вот что... – он недослушал ответа. – Скажите ей! Скажите, что мне СРОЧНО нужно с ней поговорить!

Бун долго мямлил, насчёт того, что она боится и не хочет никого видеть:

– Попросите её! Попросите от моего имени. Скажите – Альб умоляет вас о встрече. Он не сердится и очень хочет вас видеть.

От удивления замолк не только Бун, но и Герман поехал лицом. Альбу было всё равно. Он нашёл, ту, что ухаживала за Парутом, Ната была крайне важна. Она просто обязана была знать, куда инженер спрятал свои записи.

Бун недолго сопротивлялся и согласился устроить встречу.

**

Ближе к полуночи Альб мерял шагами свой дом и не знал, куда себя девать. Он выпил уже четвёртую кружку ромашкового чая, который напоминал о спокойствии и любви Тильды. Даже она одобрила бы его план. Он собирался помочь Нате и даже позвать её обратно на службу. Если записи Парута найдутся, то весь Союз будет обязан бывшей сотруднице, которая попала в беду.

Бун позвонил уже за полночь и дал точные инструкции, куда ехать.

– Альб только будьте один. Иначе она говорит, что сбежит. Мы у меня.

**

Бун встретил около своего подъезда, но повёл не в дом, а в железную дверь, ведущую в подвал. Бун открыл, впустил, затем запер дверь за спиной и таинственно прошептал.

– Плохие новости.

– Да, – согласился Альб. – Я её видел.

– Я не о Нате, – отозвался Бун, необычно севшим голосом.

По мере того как они шагали по коридору, освещённому крошечными лампочками у потолка, Бун в двух словах описал встречу на далёкой станции. Ната ждала его на платформе и согласилась переехать. Здоровяк развернулся и ткнул Альбу пальцем в лицо.

– Я не дам её в обиду! Вы слышите? Я люблю её и никуда не отпущу! Хватит, с неё приключений!

Альб миролюбиво похлопал взволнованного товарища:

– Я и не собирался её трогать. Просто поговорю.

– Тогда, почему она вас так боится?

– Давайте выясним, – предложил Альб.

Они вошли и Альб поразился убранству бункера. Убежище Буна состояло из просторной светлой комнаты, разделённой визуально на спальню с кроватью, кухню и кладовую, где за занавесью виднелся диванчик со сваленным барахлом. Под высоким потолком ярко светили три люстры, посреди стоял обеденный стол со стульями. Если бы не отсутствие окон можно было подумать, что комната самая обычная, настолько хорошо и с любовью она была обставлена. На плитке шкворчала сковородка, рядом стоял силуэт в салатном халатике. Ната водила ложкой по сковороде и как только Альб вошёл, натянула капюшон халатика сильнее. Альб успел только заметить один глаз и копну обгоревших волос:

– Здрасьте, – донеслось из-под халатика. Капюшон учтиво кивнул.

Ната смотрела одним правым глазом и казалась подавленной, скрывая свои ожоги. Бун прошёл к столу, где лежал Сыщик и стал нажимать кнопки и заглядывать в экран. Альб заметил, что в бункере не разговаривают, и спокойно сделал шаг:

– Здравствуйте, Ната! Я очень рад. Мне хотелось вас увидеть и...

– Я тоже рада, – сказала она полусшёпотом. Бун в это мгновение выпрямился и громко спросил:

– Альб скажите! Где сейчас, по-вашему, Иван?

– Иван Рунов? – удивился Альб:

О другом Иване не могла идти речь. В их компании был только один Иван, но он уволился шесть лет назад. Альб совершенно не ждал вопроса про Ивана и рассказывать не мог, потому что Иван ушёл не просто так, а по просьбе самого Альба. Он стал самым ценным агентом. Последний раз он направился следить за руководством ТНН.

Бун сказал:

– Да, Альб. Я насколько помню, вы его сделали своим агентом, – Альб открыл рот от удивления, Бун отмахнулся. – Да это секретно. И я знаю, что говорить об этом не стоит. Слухами сами знаете и бетон прорастает. Но, похоже, теперь об этом можно говорить открыто.

Бун указал на нишу в Сыщике, где под стеклянным колпаком в чемодане лежал искусственный глаз. Бун спросил:

– Альб. Иван вставлял себе имплант? Вы знаете об этом что-нибудь?

Ната в этот момент поставила пустую тарелку на стол и хмуро сказала:

– Простите. Ужин получается не к месту... Альб, – она обратилась к нему. – Похоже, это глаз Ивана.

– Да, – подтвердил Бун. – И мы думаем, что он недавно вставил себе записыватель. Я так понимаю – это всё для вашей слежки.

Альб ощутил холод. Колени стали ватными, и он медленно осел на один из стульев.

Иван действительно вставлял себе глаз, чтобы передать картинку, для верности. Но вот уже как два месяца не высылал новых данных из ТНН и не выходил на связь.

Ната с печалью смотрела на нишу Сыщика, Бун качал головой:

– Вы можете не говорить Альб. Мы и так всё поняли. Глаз нашли у останков. Мы с Натой думаем... – Бун затих, будто говорил о мертвецке. – Ну, в общем, вам, конечно, виднее...

Ната подошла и прижалась к высокому другу, Бун обнял её в ответ. В глазах обоих стояла скорбь. Альб помолчал секунду, свыкаясь с мыслью, что его лучшего шпиона больше нет в живых:

– Где его нашли? – прохрипел он.

– На побережье. В сточной трубе, ведущей из ТНН, – отозвалась Ната:

– Кто?

– Не знаю. Кто-то из кригеров, наверное.

Альб обхватил голову. В это время Бун нажал на кнопку в чемодане:

– Сейчас мы пытаемся извлечь картинку из микропамяти, чтобы узнать хоть какие-то подробности.

Сыщик зажужжал, помигивая символами на экране. Ната выключила огонь на печи и, оставив ужин на сковороде нетронутым, скрылась за занавеской кладовой, прибирая разваленные вещи с диванчика.

Альб завис в мыслях, понимая, почему пропали ивановы отчёты:

– Его раскрыли, – прошептал он. – Он шпионил для меня.

Бун покачал головой:

– Понятно, – семьи у Ивана не было. – Он был всегда одиночкой. И самым сообразительным из всех.

Альб печально кивнул:

– Я очень ценил его. Он был лучшим.

Ната поправила мокрые после стирки куртку и штаны, висящие под потолком, и отозвалась:

– Он был самым скрытным их всех. Я понимаю ваш выбор...

Пискнул Сыщик:

– Он работал в ТНН... – сказал Альб и тут же дёрнулся испугавшись.

Ната резко выпрямилась, округлив глаза, и прикрыла рот рукой:

– АЛБ!

Она указывала на экран Сыщика. Альб повернул голову и вместе с Буном отшатнулся. По экрану в замедленной съёмке ползли кадры. В крошечной тьме на зрителя подкрадывались три ярких пятна. От ужаса Альб ощутил, как кончики волос наполнились электричеством. Два раскосых огня светились красным, под ними сияла алым огромная пасть. Пасть увеличилась и экран залило блеском стальных зубов. Ната вскрикнула. Она подскочила к экрану и завопила:

– ЧТО?! – повернулась к нему с непониманием. – АЛБ! ЧТО ЭТО?

Альб раскрыл рот и молча захлопал глазами. На экране картинка стала повторяться, крутясь бесконечно. Раскосые глаза и алая пасть со стальными зубами заглатывали голову на весь экран.

Ната прокричала:

– Альб, где она?! Скажите, что она с Бети!

После секундной паузы она завопила:

– Чего вы молчите?!

Бун нахмурился и почесал подбородок:

– Дела... – пробормотал он.

Альб молчал, пока Ната с осуждением его разглядывала, потом тихо ответил:

– Она не с Бети. Простите...

Ната, с яростным лицом, отпрянула и стала посреди комнаты:

– АЛБ! Я отдала её Бети! Где она? Что эта женщина с ней сделала?

Альб прикрыл ладонью глаза и с сожалением сказал:

– Вы многого не знаете...

– Что тут знать?! Это Бесси?! Скажите, что это просто совпадение!

Альб не стал отвечать. Он уже понял, что пантера из приюта попала, скорее всего, в лапы убийц. Нату трясло от возмущения, она схватилась за капюшон, натянула и стала ходить взад-вперёд:

– Я доверила ей! Я подарила самое ценное, что было! Для БЕТИ! – Ната ткнула пальцем. – Что она натворила?! Вы будете защищать эту женщину?

Альб взвился:

– Ната, хватит! Многое переменилось! Бети изменилась! Тильде пришлось!

– Ах... Пришлось?!

Ната непримиримо уставилась и сцепила зубы. Альб хлопнул по колену:

– Да. Бретта стала несносной! Она испортилась. Моего мнения не спрашивали. Мне тоже не понравилось. Тильда отдала пантеру в приют, но её можно понять.

Ната резко зашагала к диванчику и, усевшись, задёрнула ширму; из-за занавеси послышалось ворчание:

– Кошмар! Ничего не хочу об этом слышать! Как она могла?..

Бун выключил Сыщика и закрыл чемодан:

– Альб, я так понимаю, это та самая кошка, которая охраняла Бретту, которую мы два раза искали.

Альб утвердительно кивнул. Бун убрал ящик со стола, взял тарелку с, остывающей, кашей и сел рядом. Предложил перекусить вместе. Альб согласился:

– Я тут надолго, если ты не против.

Бун набрал вторую тарелку и позвал Нату. Она с сердитым видом вышла из-за ширмы и принесла из холодильника коньяк. Альб съел свою порцию и выпил вместе со всеми, не чокаясь и не закусывая. Ната выпила ту каплю, которую для виду нацедил ей Бун:

– За Ивана... – грустно сказал хозяин жилища и, выпив, поставил рюмку.

Они посидели с минуту молча. Бун выглядел уставшим. Ната подошла, погладила нежно и предложила вздремнуть. Хозяин встал, пожелал Альбу и Натe спокойной ночи.

– Поговорить можете здесь, – сказал он, указав на диванчик за ширмой. – Я всё равно свалюсь сейчас. Почти утро.

**

Бун лёг и услышал шёпот. Альб и Ната тихо говорили за занавесью, стараясь ему не мешать. Перед тем как закрыть глаза, Бун спокойно вздохнул, довольный тем, что Ната теперь рядом. Он старался не замечать ожогов. Под ними скрывалась всё та же Ната, любимая и милая, как прежде. Только немного изменилась, за годы: она стала более рассудительной и обрела какую-то внутреннюю строгость, смешанную с нежностью.

Бун вспоминал, как встретил её на перроне и как насильно привёз к себе. Ната не сопротивлялась, но постоянно ворчала, – «Зачем я тебе?..»

Ему было всё равно, как она выглядит. Бун понял, что не сможет оставить её. В глубине надеялся, что Альб со временем найдёт способ восстановить кожу. Если же нет, Бун сам влезет в долги и заплатит за ремонт любимой, сколько бы это ни стоило. Ната говорила – это очень дорого, но Бун считал, что вместе они всё одолеют.

Сон постепенно забирал его разум под тихий шёпот за ширмой...

**

Ната уселась на диванчик, поджав ноги, и расположилась, так чтобы Альб видел только правую сторону. Бывший начальник сел рядом и тягостно вздохнул:

– Ната, надеюсь, вы не вините меня в том, что произошло с Бесси.

Ната кивнула и недовольно буркнула:

– Я понимаю... Я знаю – кто виноват!

Предательство Тильды вызывало оторопь. Нату охватывала отчаянная обида за Бесси и девочку. Пантера так преданно её охраняла.

Альб осторожно дотронулся до плеча:

– И Тильду, пожалуйста, не вините. Я прошу вас понять, что она не со зла так поступила. С Бети действительно нужно было что-то делать. И делать срочно.

Ната пожала плечами:

– Я не понимаю, как можно было бросить настолько преданное животное. Ну, неужели! А-а-а?.. – Ната потрясла головой от непонимания. – Теперь и Ивана больше нет!

– Выходит, так. Я поручил Ивану расследование. Это было очень серьёзное дело. Он один из тех, кто понимал всю важность! Иван шёл на осознанный риск. Я до сих пор не пойму, как настолько опытный человек как он, погорел...

– Мне жаль... Я прекрасно помню, какой он умный был... Мне кажется, он был самым достойным из нас, – согласилась Ната.

Она помнила задумчивого парня, который казалось, не уступает умом даже Альбу. Иван и Герман – первые на кого Альб полагался.

Альб вздохнул и разочарованно махнул рукой:

– У меня есть мысль, что делать дальше. Но давайте сперва выясним, что с вами произошло?

– Плохо всё... – ответила Ната, указав на левую половину:

– Я вижу. Так это – вы, значит, жили и ухаживали... У Парута?

Ната подняла взгляд:

– Грапп рассказал?

– Да. И то, что вы теперь наследуете дом. Ната, мне очень важно узнать у вас кое-что! Хочу сказать, что от нашего разговора зависит, как быстро вы восстановите себя.

– Что мне нужно сделать? – насторожилась Ната.

Она уже не ждала чьей-то помощи. Альб – большой чиновник и не мог просто так ради неё раскидывать деньгами ведомства.

– Вам нужно рассказать кое-что... Вы знаете, кем был Парут? Он вам говорил о своих работах?

Ната насторожилась:

– Кем?

– Вы заметили, что он что-то разрабатывает? Что-то важное. У него ведь была мастерская... Он много работал, после его смерти должны сохраниться приборы и записи.

В памяти пронеслись слова Создателя – «... не доверяй никому, дочка, не доросли они ещё...»

– Нет, – быстро ответила она, – Простите Альб, но... – она указала на обгорелую половину. – Дом сгорел. Почти всё, что внутри пришло в негодность.

– А подвал?

– Туда залетели три бутылки. Он выгорел полностью, – соврала Ната.

Альб схватился за голову:

– Это катастрофа!

В эти мгновения Нату терзали слова учителя. Всплыли в голове все предупреждения о тайне знаний. «Вот оно!» – поняла Ната. Уже кто-то хочет забрать знания себе!

«Не доросли они, дочка...»

Ната знала, что сама недалеко. Но со временем она поймёт, кому может доверять...

«Со временем ты всё поймёшь, дочка. А пока храни знания, храни и изучай. И никому не говори!»

– Нет! – повторила она. – Простите... Не хотела вас расстраивать...

Ната приняла скорбный вид, делая вид, что разделяет растерянность с Альбом. Он встретился:

– Но, погодите! Должен быть человек. Вы должны были видеть его! Это – ученик которому Парут должен был передать знания. Он ведь бывал в доме.

– Никого не было, – сказала Ната, делая вид, что не понимает о чём речь. Она и не подозревала, что Альб был в курсе о Хранителях.

– Альб, а вы чей-то ученик? – осторожно поинтересовалась она, желая понять: Хранитель ли он? Альб всё также растерянно тряс головой:

– Нет... Не может быть этого. Как Парут мог не оставить ученика?

Ната пожала плечами:

– Я не видела посторонних, а местные кригеры боялись к нему заходить. Из-за меня в том числе.

– Это точно катастрофа. Ната, если вы что-то припомните, то немедленно сообщите. Это крайне важно! Даже малейшие детали. И все сгоревшие приборы как только вы окажетесь на месте, я попрошу передать мне.

– Хорошо, но после пожара кригеры там всё подчистили, и я видела, как ночью грузовик увёз мусор. Что не сгорело, они наверняка выбросили, Альб... Мне кажется, всё пропало.

Ната впервые услышала отборную брань из уст бывшего начальника. Он раскачивался из стороны в сторону как потерянный:

– Это был ваш билет на восстановление.

Он указал на почерневшую ладонь:

– Я поняла это, – непримиримо заявила Ната. – Мне жаль.

Ната получила от Создателя точные инструкции и не собиралась продавать знания Хранителей, накопленные тысячелетиями, ради сиюминутного спасения. Подвести Пару не было ни под каким предлогом.

Они помолчали с минуту. Альб почесал подбородок, затем заговорил:

– Если все знания утеряны, и вы не сможете помочь, то вряд ли удастся выбить денег на замену вашей кожи и ремонт. Вы не думали вернуться? Я помогу. Ремонт, правда, не сразу, а через пару месяцев... Дело в том, что нам урезали бюджет.

– Нет! – возразила она. – Я не смогу вернуться, и вы знаете почему.

– Что думали делать? – Альб указал на ожоги.

Ната развела руками:

– Думала продать свою квартиру. Она и так и пустует много лет. Денег должно хватить, но... – она указала на спящего Буна. – Он против. Говорит, соберём... Это долго, да, но...

– Он прав, – согласился Альб. – Никогда не стоит продавать недвижимость. Лучше выждать время.

Ната выпрямилась и поджала губы. Она наконец решилась расставить точки в отношениях:

– Альб, в первую очередь я хотела у вас попросить прощения. Ну, за тот день, когда я вам сказала... Когда в доме у неё.

Альб отвлёкся от размышлений и отмахнулся:

– А-а-а... То... В общем-то, я не в обиде. По правде я вас в тот день сильно зауважал. Вы меня тогда ОЧЕНЬ удивили, Ната!

– Правда? Я думала, вы в меня выстрелите...

– Чтобы защитить Тильду?... Мне пришлось бы. Хорошо, что вы дальше не зашли...

– Я передумала. Зря я так... Это всё из-за того, что я прочла книги этого Граппа.

Он выпрямился:

– Я был потрясён, что вы их прочли. Знаете что? А ведь вы их поняли! По-своему конечно. Но поняли! Скажу вам – это удаётся не каждому! Меньше процента всех людей способны понять...

– Я поняла и сейчас не изменила своего мнения о нём. Просто Тильду, конечно же, трогать не собираюсь.

– Прошу вас – никогда не зовите её Мартой! – настоятельно сказал он.

Ната отмахнулась:

– Это я перегнула. Не буду. И вряд ли случится момент, когда мы приблизимся друг к другу на достаточное расстояние.

Альб наклонился ближе и, озираясь на спящего Буна, громко прошептал:

– Вы просто не так поняли... Послушайте! Я должен вам сказать кое-что, – он сдвинул брови и выждал паузу, давая понять, что настроен серьёзно:

– Это секретно Ната! То что я вам скажу, не должно касаться ничьих ушей! – Альб кивнул на спящего хозяина. – И ему тоже! Слушайте! Я должен сказать. Книги Граппа вы, конечно,

неправильно поняли. Поняли, как руководство к действию. А ими нельзя руководствоваться! В них говорится о торможении прогресса и Грапп сам прекрасно осознаёт это.

– Я заметила. Почему же вы ему помогаете? Вы и Тильда?

Альб сурово продолжил:

– Книги Граппа не то что кажется – это не книги! На самом деле это – особый фильтр! Книги выполняют важную функцию. С их помощью можно вычленил нужный малый процент уникальных людей из большинства. Этот малый процент понимает, то что написано в книге определённым образом. И реагирует на прочитанное не так, как все. Текст книг вызывает у этого самого процента определённые эмоции. Это могут быть разные эмоции, но факт в том, что книги Граппа могут быть поняты только определённым видом людей. И эти книги вычлениают из толпы нужный процент.

– Эти люди – кригеры?

– Да!

Альб глубоко вздохнул и продолжил:

– Ната, вы, наверняка, сердитесь на кригеров за это... – он указал на обожжённую половину лица:

– Не то слово! – сердито отозвалась она:

– Так вот, не стоит, – попросил он. – Я поясню... За всё время нашей истории человечество много раз истребляло само себя, ставя на грань вымирания. Бомбардировка Земли, война Пандеи, помните, какие жертвы были? Как от свалившихся бед, вымирали городами, миллионами... Люди погибали даже не от голода или пуль. Большинство вымерли как раз от других обстоятельств. Они просто были неспособны выжить в трудных условиях! Понимаете? Некоторые просто сходили с ума от безысходности. По глупости иными словами. Так вот! – Альб помолчал и убедился, что Ната слушает. – Давно стало известно, что после катаклизмов выживает определённый процент людей! Это происходит неслучайно! Установлено научными исследованиями – выживают люди с определённым психотипом и набором генов. Среди нас... – Альб обвёл ладонями вокруг. – Существуют люди – их неуставленное меньшинство – которые самой природой созданы для выживания в экстремальных условиях. В случае катастрофы – они наш генофонд! Вы понимаете? Понимаете насколько это важно?!

– Это вы сейчас о кригерах? – с иронией поразилась Ната:

– О них самых... Наука их называет – сенсетиками. – согласился Альб. – В случае катастрофы сенсетика – первые кто выживет и продолжит человеческий род. Поймите, Ната! Кригеры и их поселения – это не прихоть Граппа! Это – социальный эксперимент! Это собрание в кучу этих самых сенсетиков и попытка постановки их общества на новые рельсы.

Ната почесала висок:

– Во дела...

– Да. Не нужно их воспринимать как дурачков-фанатиков. Это совершенно не так! Сенсетиков нужно испытать в новых условиях. Для этого люди в Правительстве собрали их вместе и назвали для отвода глаз – кригерами. Чтобы знать, чего ожидать в будущем. И иметь запасной план на случай катастрофы. А философия Граппа – это лишь внешняя оболочка.

– Ничего себе! Ладно... – согласилась Ната. – Я поняла.

Она не припоминала, чтобы Парут говорил о социальном эксперименте, хотя о сенсетиках вскользь рассказывал, примерно то же самое. После войн и катаклизмов действительно существовал сильный тип людей, который выживал несмотря на размах катастрофы.

– И как мне их воспринимать предлагаете? – спросила она.

Альб пожал плечами:

– Ну, в первую очередь должен вам сказать, что вы поняли книги Граппа, именно как сенсетик... – он подмигнул. – Следовательно...

Ната с горечью усмехнулась:

– Хотите сказать – «синтет-кригер»?

Альб с улыбкой ответил:

– Да, похоже, до аварии, вы принадлежали к этому типу. Что неудивительно. Ваш психотип выдал вас в тот день, когда вы ругались с Граппом. Вы помните наши лица? Мы все остолбенели не оттого, что вы возмущались, а оттого, что вы ПОНЯЛИ и говорили как сенсетик! Мы провели за десять лет такое количество исследований, что за столетия таких исследований не проводилось! Детальные... И они отчётливо показали: неважно, КАК вы поняли. Важен сам факт, что вы ПОНЯЛИ! А мы трое просто обалдели, когда министерский синтет перед нашими глазами так детально разжевал слабые стороны, – Альб хихикнул. – Мы не знали, что с вами в тот момент делать. Вот отчего Грапп тогда вышел к вам из коридора. Он почувствовал ваше знание и хотел обсудить, – Альб скорчил мину. – Да и у меня физиономия... Видок был ещё тот, наверное, со стороны. Когда вы говорили и цитировали, а я с каждым словом понимал, что вы углубились в книги слишком далеко!

Ната рассмеялась:

– Я не сдерживала себя тогда... Но, он мне не нравится даже после ваших слов.

– Он не сладкий пирог, чтобы нравиться. К Граппу можно относиться как угодно, но он славный и добрый мальчик. Даже наивен в чём-то. Он – чистый душой человек. Как раз такой какой нужен, для того чтобы создать новую основу для сенсетиков.

– Я поняла. Ладно. Я не сержусь, больше ни на него, ни на кригеров.

Ната кивнула и от стыда поджала губу. Ей стало обидно, что многое из того, что она думала, было недоразумением. Ещё из назиданий Создателя Ната поняла, что Грапп не желал истребления кому-либо. Он обсуждал с Парутом, как спасти синтетов, и старик передал Натe эти знания, как Хранителю. Теперь преобразование синтетов в людей было как раз её заботой. Сваливать на Граппа всю вину, Ната не могла:

– Вот только... – Ната замялась, после раздумий. – Погодите, а в чём смысл поиска этих сенсетиков?

– Мы пока сами не знаем до конца. И по правде, я вам боюсь открывать то, чего сам ещё не понял. Чтобы вы не подумали превратно.

– Я поняла – это опять ваши секретки. Ладно...

Альб усмехнулся:

– Занятно, как вы сказали синтет-кригер... Я не верю в то, что синтет-сенсетик не может быть кригером или «гуманистом».

– А вот они – верят! – Ната показала на свои раны.

– Вот, вот! – согласился Альб. – Это древние заблуждения присущие всем без исключения, и от них их надо избавляться. Может, это и будет ваша задача? Избавить мир кригеров от предрассудков. У вас есть возможность стать уникальной в своём роде.

– Не надо об уникальности! – поморщилась Ната. – Я такая же, как и все!

Нату сильно доставало, когда её звали уникальной. Будто сговорились Парут, Сэм, и вот теперь, Альб талдычил то же самое. Он указал на неё:

– В вас говорит известный комплекс!

– Какой такой комплекс? – удивилась Ната:

– Вы не хотите признавать свою уникальность. Это комплекс синтета, описанный психологами. Синтеты отличаются, но в обществе людей, боятся показаться не такими, как все. В итоге это становится навязчивой идеей – быть как все – не выделяться. Не осознавать свою уникальность. «Комплекс-подавление своего Я» – вы не знали?

Альб поджал губу с сожалением:

– Не поддавайтесь своему комплексу Ната! Это мешает вам стать личностью. Тем более в вас больше нет блокиратора!

Ната встрепенулась:

– Как... Как вы поняли?..

Альб пожал плечами:

– В доме Тильды, когда вы кричали на меня. Вы не смогли бы это сделать с блокиратором.

Ната сжалась от страха:

– Альб, это незаконно!

Он отмахнулся:

– Я не собираюсь вас осуждать. Согласно теории Парута, блокиратор лишь временная вынужденная мера, для того чтобы дать новому человеку приспособиться в обществе и не навредить. Потом его следует снимать. Но ведь никогда не снимают... Я склонен доверять мнению Парута, которого я считаю выдающимся гением. Думаю, вам без этой вредной программы даже лучше.

Он улыбнулся:

– Так что ничего опасного в том что вы без блокиратора – нет, и вам это поможет избавиться от комплекса неуникальности. Я вам даже предложу роль в обществе кригеров. Вы будете должны избавить их от их предрассудков.

– Вы слишком большого обо мне мнения.

– Нет! Послушайте. Кригеры, кроме отличия в психотипе и некоторых генных различий по сути точно такие же люди, как и все остальные. Им точно так же как и всем свойственно заблуждаться. И в будущем мы столкнёмся с проблемой. Это известная проблема, когда любой социум теряет научный подход к решению проблем и обретает религиозный. Иными словами – скатывается ближе к каменному веку, чем цивилизованному существованию. Это неизбежно! Кригеры столкнутся с религиозным фанатизмом и верой во всякие солнечные божества, силу ветра, мощь молний и прочего. Их нужно избавить от скатывания в доисторические догмы. И я долго думал как? И теперь понимаю! Вы – решение проблемы!

– Чего?! – Ната отшатнулась.

– Да, Ната! Вы – сможете доказать им, что нет никаких божественных сил, а есть лишь сила разума человека способного на всё. Наука может дать кригерам всё, что они пожелают, но, к сожалению, в их нынешнем состоянии они способны... – Альб поморщился. – Разве что по глупости поджечь киборга...

Ната растерялась. Альб взваливал на неё нечто невообразимое. Он, очевидно, руководствовался своими далекоидущими планами. Самый умный человек из ныне живущих, знаменитый капитан Питер Куртис, конечно же, просчитывал ходы в своей шахматной партии на много лет вперёд:

– Это очень сложно, – Ната забежала глазами. – И я даже не знаю, что для этого нужно?

– Образование. Время. И вы – как живое доказательство человечности, воплощённой в научном подходе к концепции бытия.

Ната недоверчиво потрясла головой:

– Это уж слишком! Для этого нужно быть очень умным. Очень значимым. Уметь писать книжки, например. И хотя бы верить в свою уникальность.

– Научитесь! Пробовали что-нибудь писать?

– Стишки! Очень глупые, надо сказать!

Ната от стыда прикрыла рот ладонью:

– Пишите дальше! Непременно пишите! Это очень развивает мышление! – уверенно заявил Альб и хитро сощурился с улыбкой. – Думаю, я вас отдам в ученицы Граппу! Хотите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.